

ISSN 2414-4452

PHILOLOGY

International scientific journal

№ 1 (1), 2016

Founder and publisher:
Publishing House «Scientific survey»

The journal is founded in 2016 (January)

Volgograd, 2016

UDC 8
LBC 72

PHILOLOGY

International scientific journal, № 1 (1), 2016

The journal is founded in 2016 (January)
ISSN 2414-4452

The journal is issued 6 times a year

The journal is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications.

Registration Certificate: III № ФС 77 – 62764, 18 August 2015

EDITORIAL STAFF:

Head editor: Musienko Sergey Aleksandrovich

Executive editor: Manotskova Nadezhda Vasilyevna

Dmitrieva Elizaveta Igorevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Department “Foreign languages - 5”

Ansimova Olga Konstantinovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Chair of Russian language

Atamanova Natalia Viktorovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language Department

Authors have responsibility for credibility of information set out in the articles.
Editorial opinion can be out of phase with opinion of the authors.

Address: Russia, Volgograd, Angarskaya St., 17 "G"
E-mail: sciphilology@mail.ru
Website: <http://sciphilology.ru/>

Founder and publisher: Publishing House «Scientific survey»

УДК 8
ББК 72

ФИЛОЛОГИЯ

Международный научный журнал, № 1 (1), 2016

Журнал основан в 2016 г. (январь)
ISSN 2414-4452

Журнал выходит 6 раз в год

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77 - 62764 от 18 августа 2015**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Мусиенко Сергей Александрович
Ответственный редактор: Маноцкова Надежда Васильевна

Дмитриева Елизавета Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры "Ино-
странные языки - 5"

Анимова Ольга Константиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского
языка, Новосибирский государственный технический университет

Атаманова Наталья Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского
языка

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: Россия, г. Волгоград, ул. Ангарская, 17 «Г»
E-mail: scippjournal@mail.ru
Website: <http://scippjournal.ru/>

Учредитель и издатель: Издательство «Научное обозрение»

CONTENTS

Philological Sciences

Ansimova O.K.
UNITS HAVING NATIONAL-CULTURAL SPECIFICS:
RUSSIAN TEA PARTY AND CHINESE TEA CEREMONY.....8

Gulyamova Z.R., Ziyayeva S.D.
THE BASIC CONCEPTS OF ANTITHESIS
ON THE EXAMPLES OF THE CONCEPT OF "FRIENDSHIP"11

Kazieva D.A.
RUSSIAN LINGUISTIC IDENTITY
IN MULTICULTURAL SPACE OF THE NORTH CAUCASUS.....13

Kovalevskaya I.I.
DIALOGICAL MODEL OF THE TRANSLATION.....16

Kudratov S.
MAIN PROBLEMS OF TEACHING THE ENGLISH LANGUAGE AT SCHOOL.....20

Kudratov S.
THE STYLISTIC ANALYSIS OF TEXT22

Motailo L.A.
CASE-STUDY METHOD IN COMMUNICATIVE SKILLS
DEVELOPMENT AT FOREIGN LANGUAGE TEACHING25

Xu Ping
STUDY OF FEMINISM AND SEXISM IN ENGLISH LANGUAGE.....28

Tsoy A.P., Sidorchenko K.M.
ON THE MECHANISMS OF LANGUAGE GAME IN CREATION NEWSPAPER HEADINGS.....31

Literary Theory. Textology

Karimova D.K.
VARIATION OF ENGLISH POETIC PHRASEOLOGICAL UNITS
'GATE OF HEAVEN' AND 'GATE OF HELL' IN TEXTS OF 16-20TH CENTURIES.....35

Linguistics

Glushchenko A.N.
HISTORY OF ORIGIN, FEATURES OF USE
AND TRANSLATION INTO RUSSIAN OF THE NEOLOGISM "ON FLEEK"40

Kovkina E.V.
DETERMINOLOGIZATION OF CRIMINALISTICS TERMS43

Sadykova A.G., Yarkhamova D.Z.
ANALYZE OF BLOGS "TAVI" AND "SHOOROO" IN ORDER
TO DISCURSIVE, RHETORICAL AND COGNITIVE SIMILARITIES AND DISTINCTIONS46

Tarasova N.I.
FUNCTIONAL-SEMANTIC FEATURES
OF DEVELOPMENT OF OLD FRENCH ADJECTIVE "CLERE"49

Slavic Languages

Dyakova T.A.
ETHNOCULTURAL CONNOTATION OF PHRASEOLOGICAL
UNITS FOR REFUSAL TO MATCHMAKERS (ON THE MATERIAL
OF UKRAINIAN EAST SLOBODA AND STEPPE DIALECTS)52

Germanic Languages

Volkova V.Ya., Hrapchenkova I.I.
ADAPTATION OF RUSSIAN ICONONYMS IN FOREIGN
LANGUAGE ENVIRONMENT (THE GERMAN LANGUAGE)56

Zvyagintseva A.V.
INTONATIONAL PROMINENCE CATEGORY
AS A MARKER OF THEME AND RHEME STRUCTURE OF SOUND TEXT
(ON THE MATERIAL OF INFORMATION AND CONVERSATIONAL STYLE)60

Sakovets S.A.
FEATURES OF SENTENCE AS NAMING UNIT63

Yakushkina P.I.
TEXT EVALUATIVITY OF THE LITERARY CRITICAL ESSAY68

Applied and Computational Linguistics

Kalinin K.E.
ON THINKING MATHEMATICS IN TRANSLATION72

СОДЕРЖАНИЕ

Филологические науки

Анимова О.К.
ЕДИНИЦЫ, ОБЛАДАЮЩИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ
СПЕЦИФИКОЙ: РУССКОЕ ЧАЕПИТИЕ И КИТАЙСКАЯ ЧАЙНАЯ ЦЕРЕМОНИЯ8

Гулямова З.Р., Зияева С.Д.
ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПТОСФЕРЫ АНТИТЕЗЫ НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПТА «ДРУЖБА»11

Казиева Д.А.
РУССКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ
В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА.....13

Ковалевская И.И.
ДИАЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПЕРЕВОДА16

Кудратов С.
ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ШКОЛЕ20

Кудратов С.
СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА.....22

Мотайло Л.А.
МЕТОД КОНКРЕТНЫХ СИТУАЦИЙ (CASE-STUDY) КАК СПОСОБ РАЗВИТИЯ
КОММУНИКАТИВНЫХ НАВЫКОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ25

Сюй Пин
ФЕМИНИЗМ И СЕКСИЗМ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ28

Цой А.П., Сидорченко К.М.
О МЕХАНИЗМАХ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В КОНСТРУИРОВАНИИ ГАЗЕТНЫХ ЗАГЛАВИЙ.....31

Теория литературы. Текстология

Каримова Д.К.
ВАРИАТИВНОСТЬ АНГЛИЙСКИХ ПОЭТИЧЕСКИХ
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ «GATE OF HEAVEN» И «GATE OF HELL» В ТЕКСТАХ 16-20 ВЕКОВ35

Языкознание

Глуценко А.Н.
ИСТОРИЯ ПОЯВЛЕНИЯ, ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ
И ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК НЕОЛОГИЗМА “ON FLEEK ”40

Ковкина Е.В.
ДЕТЕРМИНОЛОГИЗАЦИЯ ТЕРМИНОВ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ.....43

Садькова А.Г., Ярхамова Д.З.

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА БЛОГИ «ТАVI» И «SHOOROOP» НА ПРЕДМЕТ ДИСКУРСИВНЫХ, РИТОРИЧЕСКИХ И КОГНИТИВНЫХ СХОДСТВ И РАЗЛИЧИЙ	46
--	----

Тарасова Н.И.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СТАРОФРАНЦУЗСКОГО ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО CLERE	49
---	----

Славянские языки

Дьякова Т.А.

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ КОННОТАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ДЛЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ ОТКАЗА СВАТАМ (НА МАТЕРИАЛЕ УКРАИНСКИХ ВОСТОЧНОСЛОБОЖАНСКИХ И СТЕПНЫХ ГОВОРОВ).....	52
--	----

Германские языки

Волкова В.Я., Храпченкова И.И.

ПРОЦЕСС АДАПТАЦИИ РУССКИХ ИКОНОНИМОВ В ИНОЯЗЫЧНОЙ СРЕДЕ (НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК)	56
--	----

Звягинцева А.В.

ИНТОНАЦИОННАЯ КАТЕГОРИЯ ВЫДЕЛЕННОСТИ КАК МАРКЕР ТЕМА-РЕМАТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ЗВУЧАЩЕГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ИНФОРМАЦИОННОГО И РАЗГОВОРНОГО СТИЛЕЙ)	60
---	----

Саковец С.А.

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК ЕДИНИЦЫ НОМИНАЦИИ	63
---	----

Якушкина П.И.

ОЦЕНОЧНОСТЬ ТЕКСТА ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОГО ЭССЕ	68
--	----

Прикладная и математическая лингвистика

Калинин К.Е.

О «МАТЕМАТИЧЕСКОМ» МЕТОДЕ В ПЕРЕВОДЕ.....	72
---	----

УДК 81`27

ЕДИНИЦЫ, ОБЛАДАЮЩИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКОЙ: РУССКОЕ ЧАЕПИТИЕ И КИТАЙСКАЯ ЧАЙНАЯ ЦЕРЕМОНИЯ

О.К. Ансимова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка
Новосибирский государственный технический университет, Россия

***Аннотация.** В статье на примере лексем «чаепитие» и «чайная церемония» рассматривается одна из тематических групп лингвокультурных единиц – «единицы, обладающие национально-культурной спецификой». С помощью анкетирования, в котором информантам из России и Китая предлагалось ответить на вопросы относительно возможных ассоциаций, понимания и использования обсуждаемых лексем, удалось выявить их национально-культурную специфику. Также в статье обозначен вопрос о необходимости изучения культурного фона лингвокультурных единиц иностранцами.*

***Ключевые слова:** лингвокультурные единицы, национально-культурная специфика, обыденные значения, культурный компонент, культурный фон.*

*Чаепитие
Свободное, сладкое
Сидит, хохочет, общается
Простота, отдых, культура, сложность
Пробует, пьет, наслаждается
Серьезная, восточная
Чайная церемония*

Многие исследователи, работающие в области межкультурной коммуникации, лингвокультурологии и переводоведения (С.И. Влахов, С.П. Флорин [2], С.Г. Тер-Минасова [5], И.С. Алексеева [1], В.А. Иовенко [4] и др.) в своих работах касаются сравнения национально-культурной специфики тех или иных единиц, например, *каша, школа, первый этаж* и др.

Определим обсуждаемые слова как «единицы, обладающие национально-культурной спецификой». Аналогичные лексемы в разных языках имеют различный культурный компонент. Согласившись с тем, что *русское чаепитие* значительно отличается от *китайской чайной церемонии*, мы провели эксперимент с целью 1) подтвердить или опровергнуть наше предположение, 2) выявить культурный фон данной единицы и, следовательно, 3) выяснить национальное представление о ней: а) носителей языка и б) представителей другой (китайской) лингвокультуры.

Достижение заявленной цели обусловило определенную структуру анкеты и принципы анкетирования.

Опрос проходил в два этапа: I – анкетирование носителей русской лингвокультуры и II – анкетирование респондентов из Китая. Всего участвовали 500 человек (380 носителей русского языка из разных городов России, различного социального статуса и возраста, а также 120 иностранцев порогового и порогового продвинутого уровней владения русским языком).

В анкете предлагалось определить: а) наиболее актуальные обыденные значения единицы *чаепитие*, б) наиболее распространенные ассоциации, связанные с ней, в) те компоненты ее значения, которые обычно реализуются в речи, г) ситуативную характеристику употребления.

Ответы, полученные в результате анкетирования носителей русской лингвокультуры, для удобства восприятия информации заключены в следующую таблицу.

Таблица 1

Результаты анкетирования носителей русской лингвокультуры

Чаепитие	Частотные ответы информантов
Обыденные значения	<i>Посиделки за чаем; разговоры за чаем; душевный разговор; общение; разговоры за столом с чашечкой чая со сладостями; процесс употребления чая в приятной компании с разговорами; распитие чая за обсуждением каких-либо дел; особая традиция пить чай/ питья чая; вечер в школе; праздник в школе; Распитие чая в компании/ в кругу друзей; когда двое или более людей собираются за одним столом, пьют чай и разговаривают; русская чайная церемония; в школе детям устраивают чаепития.</i>
Ассоциации	<i>1. Чай; самовар; сушки; пряники; кренделя; баранки; приятное время 2. Разговоры; беседа; посиделки; с друзьями.</i>
Ситуация использования	<i>1. Когда собираются вместе поговорить; когда беседуют за чашкой чая; 2. В школе.</i>
Пример употребления	<i>1. Чаепитие приятно затянулось; Приходите к нам на чаепитие; Во время чаепития люди приятно беседуют; 2. Сегодня после уроков мы устраиваем чаепитие. Всем быть!</i>

Таким образом, для русских чаепитие – это прежде всего беседа, приятное общение за чаем, посиделки за столом за чашкой чая со сладостями, как правило, свободное, неформальное. Кроме того, чаепитие часто устраивают детям в детском саду и в школе в качестве детского праздника.

Обратимся к результатам опроса респондентов из Китая, которые также представлены в виде таблицы.

Таблица 2

Результаты анкетирования носителей китайской лингвокультуры

Китайская чайная церемония	Частотные ответы информантов
Обыденные значения	<i>Этикет в жизни через чай, способ самосовершенствования, сложный процесс, наслаждение чаем, процесс заварки чая, для важных событий.</i>
Ассоциации	<i>Традиции, мастерство, мастер, порядок, самосовершенствование, исинская глина, Гун Фу Ча, Ча Хай, чай, улун, Дун Дин, Фэн Хуан Дань Цун, Вэн Сян Бэй и Пин Мин Бэй, Ча Тоу, Женшень улун, Ча Хэ.</i>
Ситуация использования	<i>Каждый день, важное дело, важная встреча, показать традиции, официальные мероприятия.</i>
Пример употребления	<i>Чайная церемония в чайном доме. Важным гостям показали чайную церемонию в знак уважения.</i>

Из ответов респондентов следует, что для китайцев чайная церемония – сложный процесс, которому нужно обучаться и постоянно оттачивать свое мастерство. Для проведения чайной церемонии используется чай улун (Женшень улун, Фэн Хуан Дань Цун, Дун Дин и другие его виды), приготовленный особым способом – Гун Фу Ча в специальной посуде (керамический чайник из исинской глины, чаша справедливости (Ча Хай), чаша знакомства с чаем (Ча Хэ), чайные пары (Вэн Сян Бэй и Пин Мин Бэй), объединяющая их подставка (Ча Тоу) и др.). Таким образом, чайная церемония состоит из множества компонентов, выбор которых должен быть продуман до мелочей. Особое внимание уделяется мастерству приготовления чая (температура воды, количество чая, время заваривания и др.). Человека, который готовит чай, совершенно справедливо называют чайным мастером, а саму чайную церемонию считают самосовершенствованием.

Итак, ответы информантов подтвердили то, что русское чаепитие значительно отличается от китайской чайной церемонии, в первую очередь, неформальностью общения и вообще процесса, отсутствием особого повода (важные встречи, часть обычаев и ритуалов). Для того, чтобы выяснить, понимают ли это иностранцы, в процессе анкетирования мы попросили информантов из Китая ответить на вопросы не только относительно чайной церемонии, но и чаепития.

Были получены следующие ответы: ассоциация на слово-стимул чаепитие для большинства носителей китайской лингвокультуры, участвовавших в вопросе, – *чай, пить чай*. Аналогичные реакции послужили ответами на вопрос о значении слова чаепитие, понимании его русскими. Некоторые респонденты написали, что «*чаепитие*» – это «*один из видов китайской культуры*», при

этом они полагают, что для русских чаепитие представляет ценность только как распитие чая, они не отметили культурный фон, который имеет этот процесс – общение. Предполагаем, что незнание национально-культурной специфики данной единицы, как и любой другой, может привести к коммуникативной неудаче наших респондентов при общении с носителями русского языка.

Отсюда возникает требующая своего решения проблема обучения иностранцев лингвокультурным единицам и их такая интерпретация в учебных словарях лингвокультуры, чтобы иностранные учащиеся понимали не только значение изучаемых единиц, но и их культурный фон, знание которого необходимо для коммуникации с носителями лингвокультуры изучаемого языка, а также для преодоления культурного барьера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева, И. С. Введение в переводоведение / И. С. Алексеева. – М.: Изд. Центр «Академия», 2004. – 352 с.
2. Влахов, С. И. Непереводимое в переводе / С. И. Влахов, С. П. Флорин. – М.: Валент, 1996. – 411 с.
3. Иовенко, В. А. Теоретический курс перевода. Испанский язык / В. А. Иовенко. – М.: ЧеРо, 2005. – 132 с.
4. Тер-Минасова, С. Г. Война и мир языков и культур. Вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2008. – 343 с.
5. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М. Изд-во МГУ, 2004. – 352 с.

Материал поступил в редакцию 14.10.15.

UNITS HAVING NATIONAL-CULTURAL SPECIFICS: RUSSIAN TEA PARTY AND CHINESE TEA CEREMONY

O.K. Ansimova, Candidate of Philology, Associate Professor of Russian Language Department
Novosibirsk State Technical University, Russia

***Abstract.** By the example of lexemes "tea party" and "tea ceremony" one of the theme groups of linguocultural units – "units possessing national and cultural specifics" is considered in the article. By means of questioning in which informants from Russia and China were offered to answer questions of rather possible associations, understanding and use of the discussed lexemes, it was succeeded to reveal national and cultural specifics. In addition, the question of need of studying cultural background of linguocultural units by foreigners is designated in the article.*

***Keywords:** linguocultural units, national and cultural specifics, ordinary values, cultural component, cultural background.*

UDC 8

THE BASIC CONCEPTS OF ANTITHESIS ON THE EXAMPLES OF THE CONCEPT OF “FRIENDSHIP”

Z.R. Gulyamova¹, S.D. Ziyayeva²

¹ Teacher of Department “Practical course of English language”, ² Student of Faculty “Foreign languages”
Tashkent State Pedagogical University named after Nizami, Uzbekistan

***Abstract.** In the given article was analyzed concept of "Friendship" on material of phraseological units, sayings and aphorisms. As we know antithesis constructed on opposition of contrasts, on the linguistic essence can participate in formation concepts.*

***Keywords:** concept, phraseological units, friendship.*

National concepts – are the system of individual, group, class, national and universal concepts, that is concept with universal value. National cultural values are formed on the basis of base concepts, for example, *the native land, mother, family, freedom, love, belief, friendship* etc. Only at existence of the general, universal concept mutual understanding between people is possible. On the other hand, each nation has its own system of values, the outlook. In each culture the stereotypes of consciousness and the behavior, based on own vision of the world are formed. Thus, in spite of the fact that base of concepts are universal, their fullness for each nation.

The antithesis constructed on opposition of contrasts, on the linguistic essence can participate in formation concepts. It is known, that the concept has been entered by academic D.S. Lihachov. D.S. Lihachov gives following definition: “In aggregate as a whole, it is possible to name the potentialities opened in a lexicology of the separate person, as well as all language of concepts. Concepts of a national language is the more richly, than richer all culture of the nation – its literature, folklore, a science, the fine arts, it particular with all historical experience of the nation and religion especially”.

The analysis concept of "Friendship" is spent by us on material of phraseological units, sayings and aphorisms. To establish elements of these concepts, it is necessary to define a circle of conceptual signs in concept of "Friendship".

In English proverbs and aphorisms the true friendship appreciation is expressed. In English language we reveal the following interaction of concepts:

Friendship-enmity

In our consciousness friends are often opposed to enemies. Concept "Friendship" under the analysis of a language material is crossed with concept the "Enmity". On opposition of these concepts it is possible to reveal conceptual signs. Comparison and opposition of these concepts reveal positive and negative, sometimes paradoxical characteristics, gives ironical estimations. In English language opposition concept the friend – the enemy reveal their difficult interaction constructed on principles of discrepancy, a paradoxically, irony and illogicalness. Such interaction of concept can be tracked on following examples:

1. He who has a thousand friends has not a friend to spare, and he who has one enemy will meet him everywhere. Ralph Waldo Emerson

2. It is easier to forgive an enemy than to forgive a friend. William Blake

3. It takes your enemy and your friend, working together to hurt you to the heart; the one to slander (клевета) you and the other to get the news to you

For Englishmen the present, true friendship is one of the best human relations. Friendly dialogue at all age has high moral-psychological value.

Friendship–time

In these concepts are presented cognitive signs which characterize a true friendship and friends, tested friendship by time. The correlation and opposition of concept "friendship" and "time" are spent on set of the conceptual signs presented in each of considered concepts. The important feature of concept “friendship – time” is differentiation of concepts “good times - bad times” which are conceptually - significant in con-

cept of friendship". It testifies with the following examples:

1. *"Friendship is what gets you through the bad times and helps you enjoy the good times"*
2. *"In good times, in bad times I'll be on your side forever more, that's what friends are for."*

It is interesting to notice, that in some cases the conceptual importance of time for concept of "friend" is denied.

*"Time isn't what makes a friendship last...its love and devotion that keeps the tie between souls."
Often we have no time for our friends but all the time in the world for our enemies*

The old friend – is the tested friend. It is possible to rely on him. The friend is checked by time, in sorrows and pleasures not leaving the person of one. From here and expression "fair-weather friend", meaning "the friend for the period of pleasure", is the friend who throws the person during a trouble. This expression has obviously negative shade.

Friendship-money

The cultural component of money and monetary relations is rather significant – money dominates, they are preferred. Money is the important component of culture of all society. However, in concept of "Friendship-money" is the conceptual importance of money is directly opposite the standard representation. The conceptual signs revealed in given concept, are built on opposition "spiritually – material essence of friendship", which underlining the opposition «spiritually - moral essence of friendship».

1. *If you want to have a friend never borrow never lend.*
2. *Money can't buy friends, but it can get you a better class of enemy. – Spike*
3. *The holy passion of friendship is so sweet and steady and loyal and enduring in nature that it will last through a whole lifetime, if not asked to lend money. Mark Twain*

Interaction concepts of "Friendship" and "Money" reveal also negative influence of money for friendship, impossibility of combination spiritual and material assets.

Friendship-love

The friendship is a relation very deep, offering not only the help, but also internal affinity, frankness, trust, love. The friendship always costs on one place with love on importance of feelings. Concepts of friendship and love are inseparable for the person.

1. *My true friends have always given me that supreme proof of devotion, a spontaneous aversion for the man I loved. - Colette*
2. *Time makes friendship stronger, but love weaker. Jean de La Bruyere*
3. *Friendship often ends in love; but love in friendship – never. Charles Caleb*

From all that told above it is possible to conclude, that the component "love" in structure concept of "Friendship" is conceptually significant. The love and friendship for the person are inseparable.

As a whole it is necessary to notice, that concept "Friendship" concerns to universal concepts, expressing universal values.

Материал поступил в редакцию 23.12.15.

ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПТОСФЕРЫ АНТИТЕЗЫ НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПТА «ДРУЖБА»

З.Р. Гулямова¹, С.Д. Зияева²

¹ преподаватель кафедры «Практический курс английского языка», ² студент
Ташкентский государственный университет имени Низами, Узбекистан

Аннотация. В данной статье рассматривается концепт «дружба» на материале фразеологизмов, изречений и афоризмов. Как известно, антитеза, построенная на противопоставлении контрастов, по своей лингвистической сущности может участвовать в формировании концептосфер.

Ключевые слова: концепт, фразеологизм, дружба.

УДК 80

**РУССКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА**

Д.А. Казиева, кандидат филологических наук,
заместитель начальника Департамента управления делами
Публичное акционерное общество «Межрегиональная распределительная сетевая компания
Северного Кавказа» (Пятигорск), Россия

***Аннотация.** Специфика функционирования русского языка в коммуникативном процессе в координатах поликультурного пространства Северного Кавказа проявляется не только в его межнациональном характере, но и в том, что он становится эффективным способом общения внутри этноса. Синтез достижений отраслей гуманитарного знания даёт возможность обоснования и корректного изучения дискурсивной основы PR-текстов, что, в конечном счёте, позволяет анализировать их комплексно при учете тех когнитивных и социокультурных компонентов, которые формируют медиадискурс в целом, оказывая значимое влияние и на русскую языковую картину мира.*

***Ключевые слова:** поликультурное пространство, PR-дискурс, межкультурная коммуникация, инокультурные ценности.*

Межкультурная коммуникация представляет собой рецептивно-интерпретативную деятельность языковой личности, направленную на инокультурные феномены, транслируемые текстом / дискурсом на родном и/или иностранном языке. В поликультурном пространстве этот процесс имеет диалогический характер; продуктивным становится также диалог культуры с самой собой как с другой, который детерминирует двойственность положения инокультурного содержания, тем самым осуществляя внутри культуры косвенный диалог.

В координатах поликультурного пространства Северного Кавказа русская языковая личность предстает как носитель национальной языковой картины мира – совокупности социокультурных, коммуникативных, лингвистических и экстралингвистических характеристик. Манифестирование черт русской языковой личности в межкультурной коммуникации осуществляется через текстовую деятельность, реализуемую в сложных условиях пространства взаимодействия разных культур. Межкультурная компетенция русской языковой личности, детерминированная русской национальной культурой, дает возможность самореализации такой личности в этом поликультурном пространстве, а её структура включает аутентичную и инокультурную коммуникативные компетенции, которые могут сосуществовать параллельно либо представлять собой синтез.

В координатах поликультурного пространства реализуются трансляция и обмен информацией, идеями, полилог культур активизирует изучение аксиологических систем взаимодействующих этносов и, как следствие, форм межкультурных связей на всех уровнях взаимодействия – от межгосударственного до личностного.

Эффективное участие в полноценном межкультурном диалоге может быть осуществлено лишь тогда, когда хотя бы один из его участников владеет как аутентичной, так и межкультурной коммуникативными компетенциями, что манифестирует его способность и готовность вступить в такой диалог. Межкультурная компетенция представляет собой компетенцию когнитивную и имеет двухуровневую структуру: в нее включено усвоение культурных ценностей как суммы знаний (содержательный аспект) и освоение культурного опыта (деятельностный аспект). В этой связи рецептивно-интерпретативная деятельность русской языковой личности в изучаемых условиях рассматривается как единство языковой (понимание языка текста) и коммуникативной (понимание смысла текста) компетенций.

Проблема человеческого фактора в текстовой и дискурсивной деятельности представляет собой одну из актуальных сфер современной русистики и языкознания в целом. Антропоцентрическая парадигма детерминирует признание ведущей роли человека в процессах порождения и использования речи, что в целом определяет характер лингвистических исследований на современном этапе. Языковая личность как объект исследования выдвигается на первый план, при этом осуществляется

интегральный подход к языку, предполагающий обращение в рамках лингвистических исследований к данным различных наук, изучающих человека, его внешний и внутренний мир.

В современной лингвистической парадигме всё более очевидной становится потребность в изучении различных процессов, языковых и социокультурных, оказывающих влияние на предпочтение тех или иных коммуникативных стратегий в поликультурном пространстве. Такой ракурс вполне естественен ввиду значимости исходного тезиса антропоцентрической парадигмы: языковые феномены невозможно изучать без учета социокультурных условий их формирования. Важными представляются в этой связи функциональность и коммуникативность конкретных языковых феноменов, которые могут быть исследованы в процессе изучения русской языковой картины мира.

Феномен этнической идентичности представляет собой осознание своего единства, тождественности с этносом. Представляя собой один из компонентов структуры самосознания индивида, этническая идентичность есть результат сложного психосоциального процесса отождествления себя с национальным сообществом, что предполагает общность когнитивных, эмоциональных и ценностных механизмов самоосознания и самопроявления как представителя этого этноса.

Следует подчеркнуть, что в условиях поликультурного и полилингвального пространства современного мира и многонациональных государств должна быть параметрирована и национальная языковая личность как обобщенный образ носителя этнокультурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций, который осознает свою принадлежность к определенному этносу как социальной общности. Условия полиэтничного государства формируют национально-русский билингвизм народов РФ, в некоторых коммуникативных ситуациях манифестируемый как языковая ассимиляция, при этом русский язык становится средством не только межнационального, но и внутринационального общения. Как социальный феномен, билингвизм (двуязычие) многогранен, что отражается и на полипарадигмальности его изучения с позиций лингвистики, социологии, философии, психологии и педагогики (В.А. Аврорин, З.У. Блягоз, М.Н. Губогло, А.Ю. Шадже, А.М. Казиева).

Поликультурное и полилингвальное пространство Северного Кавказа непосредственно влияет на формирование и функционирование русской языковой личности: владение несколькими национальными языками позволяет индивиду понять неповторимость каждого из них, выявляя их преимущества перед другими. Би(поли)лингвизм усложняет содержание сознания, что отражается на демонстрируемых языковых и неязыковых реакциях.

В условиях глобализации русская языковая личность вынуждена следовать двум направлениям: с одной стороны, сохранять толерантность в поликультурном пространстве при фиксированности универсальных ценностей, культурных идеалов и норм, с другой – осознавать собственные культурно-исторические корни, принадлежность к конкретному этническому сообществу, что позволяет актуализировать потребность в сохранении и изучении культурного наследия. Таким образом, современным идеалом является соблюдение баланса между универсализацией цивилизационных стандартов, которые манифестированы в интегративных признаках культур, и дифференциальных черт, объективированных в национальных традициях и этнических ценностях. Основным препятствием на пути усвоения ценностей другой культуры и проявления толерантности остается восприятие инокультурных ценностей и норм сквозь призму собственной ментальности.

Феномен русскоязычного PR-дискурса изучается с позиций теоретического и практического осмысления специфики русской коллективной языковой личности в условиях поликультурного и полилингвального региона Северного Кавказа. На рубеже XX – XXI вв. закономерно внимание к национальным истокам, тенденции к возрождению национальных традиций, рост национального самосознания, что объективирует общие закономерности развития поликультурного пространства современного мира, в том числе, и Северного Кавказа как уникального региона, в котором особо значимым становится сохранение национальных культур и языков наравне с русским языком как языком межнационального общения.

В этой связи особую значимость приобретает исследование русской языковой личности в парадигме анализа этнической идентичности, что позволяет установить особые связи между этническим и структурой такой личности, которые характеризуются многоуровневостью и сложностью. Тем не менее, отправной точкой для анализа специфики русской языковой личности, в том числе и коллективной, в условиях поликультурного пространства Северного Кавказа, является постулат о *национальной сущности любой языковой личности*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аврорин, В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка / В. А. Аврорин. – Л.: Наука, 1975. – 276 с.
2. Блягоз, З. У. Адыгейско-русское двуязычие / З. У. Блягоз. – Майкоп – Краснодар: Кн. изд-во, 1982. 136 с.
3. Губогло, М. Н. Современные этноязыковые процессы в СССР: Основные факторы и тенденции развития национально-русского двуязычия / М. Н. Губогло. – М.: Наука, 1984. – 288 с.
4. Казиева, А. М. Роль традиций и стереотипов в формировании позитивного имиджа Северного Кавказа / А. М. Казиева, А. О. Бродзели // Гуманитарные исследования. – 2013. – № 3 (47). – С. 30-36.
5. Шадже, А. Ю. Национальные ценности и человек (социально-философский аспект) / А. Ю. Шадже. – Майкоп: Изд-во Адыгейского ун-та, 1996. – 168 с.

Материал поступил в редакцию 21.12.15.

RUSSIAN LINGUISTIC IDENTITY IN MULTICULTURAL SPACE OF THE NORTH CAUCASUS

D.A. Kazieva, Candidate of Philology, Deputy Manager of Administration Department
Public Company "Interregional Distribution Grid Company of the North Caucasus" (Pyatigorsk), Russia

***Abstract.** Specifics of functioning of Russian in communicative process in coordinates of multicultural space of the North Caucasus are shown not only in its international character, but also that it becomes an effective way of communication in ethnos. Synthesis of achievements of humanitarian knowledge branches gives the chance of justification and correct studying of discursive basis of PR texts that, eventually, allows to analyze in a complex at the accounting of those cognitive and sociocultural components which form media discourse in general, having significant impact and on the Russian language picture of the world.*

***Keywords:** multicultural space, PR discourse, intercultural communication, foreign culture values.*

УДК 81'25

ДИАЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПЕРЕВОДА

И.И. Ковалевская, кандидат филологических наук,
доцент кафедры межкультурной экономической коммуникации
Белорусский государственный экономический университет (Минск), Беларусь

***Аннотация.** В статье раскрываются основные аспекты анализа перевода как преобразующего процесса, вовлеченного в диалогические отношения автора оригинала, переводчика и адресата перевода. В рамках предложенной переводческой модели предусматриваются отбор языковых структур, приобретающих диалогическую функцию, в соотношении с культурными концептами и основными дискурсивными компонентами, объединение этих структур в элементарные диалогические циклы (ЭДЦ) и возможность их рассмотрения в качестве структурных единиц переводческого анализа.*

***Ключевые слова:** диалогическая модель перевода, интерпретативно-порождающий дискурс, ЭДЦ, коммуникативная компетенция.*

Построение моделей перевода используется в качестве одного из основных методов исследования его процессуальной стороны в современном переводоведении. Лингвистическая модель перевода «представляет его в виде последовательных преобразований текста оригинала в текст перевода» для достижения желаемого результата [3, с. 36]. Вопросы моделирования достаточно детально освещаются в русле основных переводческих концепций: ситуативной (денотативной), трансформационной, семантической, психолингвистической, информационной, функционально-прагматической, коммуникативной, теории закономерных соответствий (В.Н. Комиссаров, В.С. Виноградов, Р.К. Миньяр-Белоручев А.Д. Швейцер, Н.К. Гарбовский, З.Д. Львовская, Я.И. Рецкер и др.).

Выделенные модели перевода преимущественно ориентированы на внеязыковую реальность или на структурно-семантические особенности языковых единиц, помогают представить процесс перевода в целом, указать общее направление движения мысли переводчика и последовательные этапы перехода от оригинала к переводу. Они позволяют достичь определенной сбалансированности содержания, формы и прагматической установки. Исходя из общего подхода к созданию такого баланса, в существующих концепциях перевода можно условно выделить два направления.

В основе первого направления лежит рационалистическая методология лингвистических теорий перевода, в которых материалом и источниками для исследования являются два текста – исходный текст (далее ИЯ) и текст перевода (далее ПТ), а применяемым методом анализа – сопоставление, осуществляемое с целью объяснения перевода как трансформации ИТ в ПТ.

Второе направление опирается на методологию функционализма, новые горизонты для развития которой открыли теории речевых актов, лингвопрагматики, межкультурной коммуникации, лингвокультурологии и этнопсихолингвистики. Вклад этих теорий состоит в том, что они показывают, что интерпретация ИТ в процессе перевода предполагает необходимость соотношения его языкового содержания с коммуникативной ситуацией и с различными знаниями участников перевода.

В условиях синтеза функционально-коммуникативной и когнитивной научных парадигм в современной лингвистике предлагаются новые переводческие концепции, в значительной степени расширяющие границы выделенных двух направлений. В частности, речь идет о **диалогической модели перевода**, базирующейся на теории диалогичности гуманитарного знания М.М. Бахтина. В рамках данной концепции перевод рассматривается как целенаправленная лингвопсихоментальная преобразующая деятельность личности переводчика, погруженная во множественные диалогические отношения в виду постоянного соотношения им собственного интерпретационного процесса ИТ с программированием интерпретации адресатом ПТ [6, с. 79].

Для достижения оптимальной сбалансированности интерпретаций участниками переводческого процесса, каждый из которых по-своему корректирует смысл воспринимаемого текста, переводчик организует свою деятельность как диалог с автором ИТ и адресатом ПТ. В условиях межъязыковой коммуникации переводчику приходится дважды корректировать исходный смысл в первой

и во второй фазе – интерпретации ИТ и порождения на основе данной интерпретации ПТ. Выполняя данную функцию, переводчик является не просто интерпретатором, а главным «антропоцентром интерпретативно-порождающего дискурса», каковым представляется перевод. Другими антропными модулями интерпретативно-порождающего дискурса являются автор ИТ и адресат ПТ, сферы индивидуальных сознаний которых существенно различаются. Главной задачей переводчика в этой связи является создание в условиях межъязыковой коммуникации общего интересубъективного пространства, в котором бы осуществлялось взаимодействие всех участников перевода.

В пределах интересубъективного пространства интерпретативно-порождающего дискурса выделяются два измерения: внутритекстовое и внетекстовое. Особое внимание уделяется первому измерению в исследованиях художественного дискурса, поскольку оно «позволяет проследить процесс дискурсивного построения Я героев, проанализировать их мир общения, степень согласованности их ментальных миров». Внетекстовое измерение делает возможным смоделировать характер общения автора и читателя. Оно включает доступные дискурсы, под влиянием которых формируются и авторы, и читатели, поскольку любой текст можно создать только из доступных автору дискурсов и именно тексты формируют «читательскую позицию» адресата, его дискурсивную подготовленность. Движущим мотивом диалога автора с читателем служат элементы неоднозначности, которые стимулируют процесс когнитивной обработки текста и связаны с «точками контакта», выполняющими роль сигналов адресованности текста как проявления общей диалогической стратегии авторского дискурса [5, с. 109-110].

Применительно к анализу перевода общая стратегия прослеживается в системе дискурсивных маркеров, обозначающих зону контакта автора ИТ, переводчика и адресата ПТ, и реализуется через последовательность интерактивных субстратегий.

Исследование особенностей внутритекстового и внетекстового измерений интересубъективного пространства интерпретативно-порождающего дискурса позволяет провести его комплексный анализ, выделить в нем лингвистическую, фоновую, социокультурную и иную информацию, создающую определенные переводческие трудности, и определить интерактивные стратегии их преодоления.

Важнейшими компонентами общего смыслового поля являются концепты, представляющие собой «хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта» [2, с. 24]. Соответственно, переводчику приходится иметь дело не только с вербальными формами, но и стоящими за ними концептами. Изучение концептуальной составляющей ИТ представляет собой интересную и сложную для переводчика проблему. Не случайно, в отдельных переводоведческих исследованиях концептуализация признается одним из возможных путей изучения природы текста и разработки на этой основе методики и стратегии его перевода [7]. Концептуальное соотнесение пространства и стратегий ИТ с интерпретацией адресатом ПТ с позиций диалогического подхода предполагает согласование ментальных миров участников перевода в целом (свой мир – чужой мир), сопровождающееся введением в свой мир чужих концептов или «переходом» в чужой мир своих концептов. При этом способ структурирования и семантического наполнения информативного содержания ПТ можно определить как предпочитаемый в реципиентной культуре подход к презентации информации в тексте и выбору языковых способов достижения прагматического эффекта.

В соотнесении с типичными условиями дискурсивного существования определенных культурных концептов осуществляется оценка переводчиком речевого поведения ИТ и адресата ПТ на всех этапах перевода – интерпретации ИТ, порождения ПТ и коррекции ПТ адресатом «как собственной рефлексии текста в структуре своего сознания» [6, с. 79]. Несмотря на то, что большинство стратегических решений переводчика принимается на второй фазе, часть решений может быть принята на первой или на последней фазе в процессе диалога переводчика с автором и адресатом. При этом на всех трех фазах переводческого процесса переводчику приходится сталкиваться с трудной задачей десубъективизации ИТ («извлечения» его субъективного смысла) и ПТ (под углом зрения его адресата) с тем, чтобы затем адекватно объективировать ПТ применительно к новой ситуации [4, с. 105].

Субъективный смысл ИТ и ПТ «извлекается» путем исследования основных дискурсивных компонентов, в качестве которой в современной теории дискурса рассматриваются участники, цели, хронотоп, ценности, стратегии, материал, разновидности и жанры, прецедентные тексты и дискурсивные формулы [1, с. 13]. С учетом информации о выделенных компонентах отбираются языковые единицы, которые, обладая необходимым предметно-логическим и коннотативным значением, приобретают диалогическую функцию. Они объединяются в пределах интересубъективного пространства интерпретативно-порождающего дискурса в *элементарные диалогические циклы* (ЭДЦ). Понятие

ЭДЦ, заимствованное из психологии, обозначает внутренний диалог, выраженный во внешней речи (тексте) и образуемый речью одного говорящего. Рассмотрение ЭДЦ в качестве структурных единиц перевода позволяет представить взаимодействие двух и более субъектов, смысловых позиций. Основным фактором, лежащим в основе различий ЭДЦ, является их модальное содержание, под которым подразумевается информация о субъективном отношении участников переводческого процесса к объекту коммуникации и друг к другу.

В каждом конкретном случае создания зоны контакта участников перевода общая диалогическая стратегия реализуется определенным набором речевых действий, прослеживаемых в выборе средств диалогизации, обусловливаемом рядом факторов. Знание этих факторов описывается в современных теориях переводоведения в терминах *коммуникативной компетенции* переводчика. По мнению В.Н. Комиссарова, коммуникативную компетенцию составляет «способность человека к инференции – формированию правильных выводов из речевых высказываний об их полном содержании или “смысле” на основе фоновых знаний» [3, с. 326]. С позиций диалогического подхода наиболее удобной рабочей дефиницией коммуникативной компетенции может быть определение ее как умения строить эффективное речевое взаимодействие, направленное на вовлечение в круг реципиентной культуры ИТ как инокультурного семиотического продукта. Эффективность такого взаимодействия определяется оптимальным сочетанием стереотипизированных структур и средств диалогизации в ПТ, который представляет собой не готовый ответ, а результат его поиска, осуществляемого в контексте диалогических отношений. Отметим, что в научном мире нет единства мнений относительно составных частей в структуре коммуникативной компетенции. Считается, что она базируется на ряде других компетенций – языковой, речевой, социокультурной, социальной, стратегической и дискурсивной. Каждая из них отражает различные стороны коммуникативной компетенции переводчика и может стать основанием для выделения особого аспекта ее рассмотрения с позиций диалогического подхода.

Приведенные выше рассуждения выявляют новые возможности для современного переводоведения. Решение проблемы интерпретации текста при переводе требует включения в круг рассматриваемых вопросов анализа перевода как интерпретативно-порождающего дискурса, позволяющего увидеть диалогическую основу взаимодействия его участников, и выделения в качестве структурных единиц перевода ЭДЦ. Изучение их модального содержания в соотнесении с культурными концептами и основными дискурсивными компонентами способствует повышению коммуникативной компетенции переводчика. В этой связи перспективу переводоведческих исследований мы видим в дальнейшем изучении особенностей вербализации прагматических интенций автора ИТ, переводчика и адресата ПТ в контексте диалогических отношений и выявлении факторов, оптимизирующих и гармонизирующих эти отношения в процессе перевода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карасик, В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5-20.
2. Карасик, В.И. Языковые ключи: монография / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2009. – 406с.
3. Комиссаров, В.Н. Современное переводоведение: учеб пособие / В. Н. Комиссаров. – М.: ЭТС, 2002. – 424 с.
4. Львовская, З.Д. Современные проблемы перевода / З. Д. Львовская / пер. с исп. – М.: Издательство ЛКИ, 2014. – 224 с.
5. Плеханова, Т. Ф. Текст как диалог: монография / Т. Ф. Плеханова. – Минск: МГЛУ. – 2003. – 251 с.
6. Селиванова, Е.А. Модель перевода в парадигмальном пространстве современной лингвистики / Е. А. Селиванова // Культура народов Причерноморья. – 2003. – №37. – С.79-82.
7. Харитоновна, Е.А. Концептуализация как стратегия перевода научного текста: на материале русского и английского языка: дис. ... канд. филол. Наук / Е. А. Харитоновна. – Пермь, 2006. – 197 с.

Материал поступил в редакцию 22.12.15.

DIALOGICAL MODEL OF TRANSLATION

I.I. Kovalevskaya, Candidate of Philology,
Associate Professor of Intercultural Economic Communication Department
Belarusian State Economic University (Minsk), Belarus

Abstract. *The article deals with the main aspects of the translation analysis as the transformative process involved in the dialogical relations of the author of the source text, translator and the addressee of the target text. The model of translation includes selecting the language structures in the dialogical function in correlation with the cultural concepts and the main discursive components and combining these structures in the elementary dialogical cycles (EDC). The latter can be considered as the structural units of the translation analysis.*

Keywords: *dialogical model of translation, interpretive and generative discourse, elementary dialogical cycle (EDC), communicative competence.*

UDC 8

MAIN PROBLEMS OF TEACHING THE ENGLISH LANGUAGE AT SCHOOL

S. Kudratov, Student

Tashkent State Pedagogical University named after Nizami, Uzbekistan

Abstract. *In the given article was analyzed main problem of teaching English grammar at school and the basic tendencies of a modern American and English technique in training to grammar.*

Keywords: *linguistic and psychological analysis, grammatical rules, structural presentation.*

In given article problems of teaching of English grammar at school taking into account age features of pupils senior and high school are considered. Prominent features of a grammatical system of the English language, use in the course of such training of various methods and approaches of the linguistic and psychological analysis (on an example of results of research of linguists) are analysed. Necessity of sharing of methods and approaches training process is revealed and proved. On the basis of the conducted research by the author it is offered to allocate more effective methods of training, their definition is made, the basic characteristics of methods and approaches corresponding to modern lines of English language are formulated.

So, for example, professor W.M. Rivers considers, that mechanical, pure imitative, “parrot” training to grammar is one of principal causes why and naturally – colloquial methods do not give audio-lingual to schoolboys of speech skills. It specifies, that for a possibility of free participation in communications by the pupil it is necessary to practise in an independent choice of grammatical structures and lexicon as much as possible. The insufficient number of similar exercises “does not allow pupils to allocate the core (the crucial element) in that grammatical material, which was training subject, and to see functional communication of a new element with other elements of model”. W. M. Rivers notices, that only such practice is unique means to learn schoolboys to use models in speech irrespective of context, in which they have been learnt for the first time.

Trying to overcome lacks of “new” methods concerning grammar teaching, not repeating during too time of errors of an “old”, “traditional” technique, Richard Barrutia, Alfred S. Hayes, D.C. Hawley, etc. support revision of psychological bases of training grammar, namely, for a combination of principles and the conscious approach to training language. From their point of view, only the combination of psychological bases of audio-lingual and conscious approaches can neutralise lacks both and can give a positive effect. So W.M. Rivers writes “Understanding of rules of grammar automatically does not provide the pupil with the means allowing directly to enter oral or written communications. On the other hand, the audio-lingual the approach deals, basically, with superficial structure of language (surface grammar), not mentioning its deep structure (deep grammar)”.

In interesting article "Grammar in training to foreign languages" W.M. Rivers mentions also a question on psychological bases of grammar training. Warning against alternative preference conscious psychological bases at grammar training, she writes: As it was wrongful to understand language only as “system of skills”, and a technique of training language earlier, as “the way of formation of these skills”, in particular, reducing a technique of training grammar to imitative to mechanical repetitions, just as now it is not necessary to catch thoughtlessly at the motto of the conscious approach to language studying to provide mastery of a language at speech level, and it is not necessary to learn recklessly to rules in hope to develop at them behavior.

In teaching the grammar at school should distinguish linguistic grammar (the description of system of language in the terms which are not necessarily reflecting psychological process of using by this language) and grammar pedagogical, which form always depends on such concrete facts as the curriculum purpose, age and intellectual development of pupils, training term, degree of an interference of the native language etc.

Remarks on necessity of grammatical explanations which at an “initial” grade level should be short are interesting and be given during practice, being accompanied besides practice, and at “high” level they should be more generalized, helping the schoolboy to see, how all “parts” studied by it and “co-operating

sections” grammar correspond as a whole with functioning system of language.

M. Rivers’ thoughts are not less interesting about a combination of an induction and deduction, the analysis and imitation and grammar teaching. Which the teacher should alternate constantly during work depending on character of developed grammatical skill. Along with the tendency considered above, which can be conditionally named by the tendency of revision of psychological bases of training to grammar, it is necessary to note also the tendency of strengthening of linguistic bases of grammar teaching of studied language, aspiration to add practical actions by grammatical rules, the theory.

Rudolf Jacobson writes about advantage of studying of the grammar theory at school. He considers that the reason of an interference of grammatical designs of studied language is their formal similarity of “superficial structure”. In avoidance of a similar interference it is necessary to train in recognition of “basic offers”, underlying models. He writes that fast and successful studying of language probably only in that case. If when pupils learn unmistakably to distinguish “deep structure” offers and when all pedagogical process are organized, so that to give the chance to deduce a rule on the basis of learnt models, to acquire these rules, and then to apply in speech. “These rules will help pupils to pass from basic offers through preliminary and general transformations to note offers issued according to requirements of “superficial structure”, which it and should form.

As all English and American methodologists take away the big role of ordering of knowledge on grammar at the advanced stage training as it becomes, for example, in article J. Morris.

Thus, summarizing the above-stated, it is possible to tell, that the basic tendencies of a modern American and English technique in training grammar, according to articles in considered magazines, are directed on overcoming of the lacks, peculiar audio-lingual and to the naturally-colloquial approach at training foreign languages.

These tendencies are shown:

- 1) In viewing of psychological bases of training grammar;
- 2) In strengthening of a linguistic basis of training grammar, in the requirement of obligatory addition of practical actions by the theory;
- 3) In overcoming of excessive simplification of structural presentation of grammar by profound working out of semantics of the grammatical phenomena and more accurate information of rules of their use.

REFERENCES

1. Зильберман, Л. И. Структурно-семантический анализ текста. Пособие по обучению чтению английской научной литературы / Л. И. Зильберман. – М. : Наука, 1982.
2. Качалова, К. Н. Практическая грамматика английского языка с упражнениями и ключами / К. Н. Качалова, Е. Е. Израилевич. – М, 1997.
3. Рейман, Е. А. Обороты речи английской обзорной научной статьи. Справочное пособие / Е. А. Рейман, Н. А. Константинова. – Л. : Наука, 1988.

Материал поступил в редакцию 13.01.16.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ШКОЛЕ

С. Кудратов, студент

Ташкентский государственный университет имени Низами, Узбекистан

***Аннотация.** В данной статье рассматриваются основные проблемы преподавания английского языка в школе, основные тенденции современной американской и английской методики в обучении грамматике.*

***Ключевые слова:** лингвистический и психологический анализ, грамматические правила, структурная презентация.*

UDC 8

THE STYLISTIC ANALYSIS OF TEXT

S. Kudratov, Student

Tashkent State Pedagogical University named after Nizami, Uzbekistan

Abstract. *This article deals with the stylistic analysis of text, which is based on the theoretical knowledge of the available stylistic resources, choice of vocabulary, the usage of stylistic devices of different language levels, the peculiarities of the presentation of characters and events.*

Keywords: *stylistic devices, components, stylistic resources, stylistic analysis.*

The stylistic analysis of a text is based on the theoretical knowledge of the available stylistic resources and is aimed at unfolding the author's message through bringing out the implicit information created by such means as the choice of vocabulary, the use of stylistic devices of different language levels, the peculiarities of the presentation of characters and events.

It must be borne in mind that there are no hard and fast rules about text interpretation but the following recommendations and logical steps can be helpful to the students.

The stylistic analysis consists of two stages: the analysis of a text and the synthesis of the main idea (message) of the text.

The first stage, in its turn is subdivided into several successive procedures.

Firstly, the student is supposed to speak on some aspects of the writer's creative activities, mention his most important books and outline the peculiarities of the writer's outlook. The necessary information can be obtained from the course of English and American literature. Besides, some relevant facts can be found in the preface to the book or the commentary at the end of it. However, the student should not go into a detailed analysis of the writer's creative concepts, in order not to make his answer too long, but concentrate more on the linguistic aspects of the text.

After this the text should be divided (in accordance with its contents) into a few logical parts. The interrelation between different components of a literary text is called composition. The four structural components of the composition are exposition, complication, climax and denouement.

Exposition contains a short presentation of time, place and characters of the story. It is usually to be found at the beginning of the story, but may also be interwoven in the narrative by means of flashbacks, so that the reader gradually comes to know the characters and events leading up to the present situation. The particular time and physical location of the story form the setting. Such details as the time of the year, certain parts of the landscape, the weather, colours, sounds or other seemingly uninteresting details may be of great importance. The setting can have various functions in a given story: 1) it can provide a realistic background, 2) it can evoke the necessary atmosphere, 3) it can help describe the characters indirectly.

Complication is a separate incident helping to unfold the action, and might involve thoughts and feelings as well.

Climax is the decisive moment on which the fate of the characters and the final action depend. It is the point at which the forces in the conflict reach the highest intensity.

Denouement means "the untying of a knot" which is precisely what happens in this phase. Not all stories have a denouement. Some stories end right after the climax, leaving it up to the reader to judge what will be the outcome of the conflict.

Thus, the above mentioned parts are not always found in the text, which can be homogeneous in its structure. If this is the case, the student should mention it.

Sometimes a plot follows the chronological order of events. At other times there are jumps back and forth in time (flashbacks and foreshadowing).

The next stage is the analysis of the general character of the text, i.e. the way of presenting characters and events.

The author's choice of characters, events, situations, details and his choice of words is by no means accidental. Whatever leads us to enter the author's attitude to his subject matter is called tone. Like the tone of voice the tone of a story may communicate amusement, anger, affection, sorrow, contempt etc.

Type of narrative and narrator: It is important to distinguish between the author, the person who wrote the story, and the narrator, the person or voice telling the story. The author may select a first-person narrative (subjectivized), when one of the characters tells of things that only he or she saw and felt. In a third-person narrative (objectivized) the omniscient author moves in and out of peoples thoughts and comments freely on what the characters think, say and do.

The choice of the point of view: The way a story is presented is a key element in fictional structure. This involves both the angle of vision, the point from which the people, events and other details are viewed, and also the words of the story. The view aspect is called the focus or point of view.

* It may be the narrator's point of view, which is embodied in a narrator-focalizer. It is called external focalization, also known as unlimited (non-concentrated) narrative perspective.

* The character's point of view takes the form of a character-focalizer (chief character or onlooker). It is called internal focalization (or: limited/ concentrated narrative perspective).

Most often we deal with the combination of the two types (especially in the 3-d person narratives), when the narrator's external (unlimited) point of view shifts to the internal character-focalizer's limited positions.

Form of presentation (or the combination of forms). In general any work of fiction consists of relatively independent elements – narration, description, dialogue, interior monologue, digressions, etc.

The plane of the author/ narrator is represented by narration, description, digressions.

Narration is dynamic, it gives a continuous account of events. Description is static, it is a verbal portraiture of an object, person or scene. It may be detailed and direct or impressionistic, giving few but striking details. Digression consists of an insertion of material that has no immediate relation to the theme or action. It may be lyrical, philosophical or critical.

The character's plane is represented by different forms of direct speech (inner and outer). Through the dialogue the characters are better portrayed, it also brings the action nearer to the reader, makes it seem more swift and more intense. Interior monologue renders the thoughts and feelings of a character.

Represented (reported, non-personal direct) speech – a contaminated form, combining the features of both direct and indirect speech. It can be outer (pronounced) – actual words uttered by a character and inner (non-uttered) – conveys a character's thoughts.

Characters and type of characterization:

The description of the different aspects (physical, moral, social) of a character is known as characterization. When the author describes the character himself or makes another do it, it is direct characterization. When the author shows the character in action, and lets the reader judge for himself/ herself the author uses the indirect method of characterization.

Characters are called round if they are complex and develop or change in the course of the story. Flat characters are usually one-sided, constructed round a single trait; if two characters have distinctly opposing features, one serves as a foil to the other, and the contrast between them becomes more apparent.

Round and flat characters have different functions in the conflict of the story. The conflict may be external, i.e. between human beings or between man and the environment (individual against nature, individual against the established order/values in the society). The internal conflict takes place in the mind, here the character is torn between opposing features of his personality.

REFERENCES

1. Мороховский, А. Н. Стилистика английского языка / А. Н. Мороховский, О. П. Воробьева, Н. И. Лихошерст и др. – К.: Вища шк., 1991. – С. 245-266.
2. Скребнев, Ю. М. Основы стилистики английского языка / Ю. М. Скребнев. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. – С. 167-213.
3. Galperin, I.R. - М.: Higher School Publ. House, 1981. – P. 253-332.
4. Maltzev, V. A. Essays on English Stylistics / V. A. Maltzev. – Minsk: Vysheishaya Shkola, 1984. – P.89-109
5. Znamenskaya, T. A. Stylistics of the English language. Fundamentals of the Course / T. A. Znamenskaya, – М.: Editorial, URSS, 2005. – P.128-158

Материал поступил в редакцию 13.01.16.

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА

С. Кудратов, студент

Ташкентский государственный университет имени Низами, Узбекистан

Аннотация. В данной статье говорится о стилистическом анализе текста, который основан на теоретическом знании доступных стилистических ресурсов, выборе словаря, использовании стилистических приемов различных языковых уровней, особенностей представления характеров и событий.

Ключевые слова: стилистический прием, стилистические ресурсы, стилистический анализ.

УДК 378.1

МЕТОД КОНКРЕТНЫХ СИТУАЦИЙ (CASE-STUDY) КАК СПОСОБ РАЗВИТИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ НАВЫКОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Л.А. Мотайло, доцент кафедры историко-правовых и социально-экономических дисциплин,
Дальневосточный институт (филиал)
Всероссийского Государственного Университета Юстиции (Хабаровск), Россия

***Аннотация.** Статья посвящена использованию «кейс-технологии» в процессе профессиональной подготовки студентов. Метод «case-study» способствует формированию умений решения типовых задач по всем видам профессиональной деятельности, развитию аналитических и оценочных навыков, активизации коммуникативных способностей в процессе изучения иностранного языка. Проблема внедрения метода «case-study» в практику высшего профессионального образования актуальна, так как направлена на формирование профессиональной компетентности и решение исследовательских проблем образования.*

***Ключевые слова:** кейс-технология, типы кейсов, учебные ситуации, коммуникативная компетенция.*

В эпоху глобализации возрастает роль межкультурной коммуникации. Для специалиста с высшим образованием важно иметь представление о современных разработках в своей профессиональной сфере в международной практике. В связи с этим, особое значение следует придавать таким методам обучения, когда студент не получает готовые знания от преподавателя, а самостоятельно добывает их, играя в процессе обучения активную роль. Одним из таких методов является метод кейсов (case-study), сущность которого заключается в разрешении конкретной практической проблемы, активизируя свои знания. Поскольку кейс-метод основан на реальной ситуации, его использование позволяет дать студентам возможность почувствовать, как принимаются решения и вырабатываются стратегии действий в реальной жизни. На занятиях по иностранному языку данный метод способствует развитию навыков ведения дискуссий, переговоров, умения общаться в команде, а также использованию в речи и закреплению изучаемого лексического и грамматического материала. Во всех сферах становится востребованным специалист, умеющий работать в команде, способный генерировать идеи и технологии их внедрения, имеющий склонность к инновациям, умеющий критично и оперативно работать с огромным объемом информации различных видов. Кейс-технология не ограничивается только учебным процессом, но и становится методом научного исследования.

Классификацию кейсов по сложности поставленной задачи можно представить следующим образом:

1. иллюстративные учебные ситуации – кейсы, цель которых на практическом примере обучить студентов алгоритму принятия правильного решения в определенной ситуации;
2. учебные ситуации (1) – кейсы с формированием проблемы, в которых выявляются и четко формулируются проблемы; цель такого кейса – диагностирование ситуации и самостоятельное принятие решения по указанной проблеме;
3. учебные ситуации (2) – кейсы без формирования проблемы, где проблема четко не выявлена, а представлена в статистических данных, оценках общественного мнения и т.д.; цель такого кейса – самостоятельно выявить проблему, указать альтернативные пути ее решения;
4. прикладные упражнения, в которых описывается конкретная сложившаяся ситуация, предлагается найти пути выхода из нее; цель такого кейса – поиск путей решения проблемы.

Кейсы могут быть классифицированы, исходя из целей и задач процесса обучения. В этом случае могут быть выделены следующие типы кейсов:

1. Обучающие анализу и оценке.
2. Обучающие решению проблем и принятию решений.
3. Иллюстрирующие проблему, решение или концепцию в целом.
4. Структурированные (highly structured) «кейсы», в которых дается минимальное количество дополнительной информации; при работе с ними студент должен применить определенную модель.

5. «Маленькие наброски» (short vignettes), которые знакомят только с ключевыми понятиями и при их разборе студент должен опираться на собственные знания.

6. Большие неструктурированные «кейсы» (long unstructured cases), которые содержат очень подробную информацию, в том числе и ненужную; студент должен распознать самые необходимые для разбора сведения.

7. Первооткрывательские «кейсы» (ground breaking cases), при разборе которых от студентов требуется не только применить уже усвоенные теоретические знания и практические навыки, но и предложить нечто новое, исследовательское.

Использование метода «case-study» как технологии профессионально ориентированного обучения представляет собой процесс, сложно поддающийся алгоритмизации, в котором можно выделить следующие этапы:

1. ознакомление студентов с текстом кейса;
2. анализ кейса;
3. организация обсуждения кейса, дискуссии, презентации;
4. оценивание участников дискуссии;
5. подведение итогов дискуссии.

Кейс-метод можно представить в виде сложной системы, в которую интегрированы элементы нетрадиционных методов обучения, таких как: *мысленное экспериментирование, метод описания, проблемный метод, «Мозговая атака», дискуссия, метод моделирования ситуации.*

Кейс должен отвечать следующим условиям:

- наличие реально существующей группы людей, организации, на основе которой разработана ситуация;
- определенная хронология событий, временные рамки;
- наличие реальной проблемы, которая не должна иметь однозначного решения,
- ситуация должна быть представлена в «событийном» стиле, где отражены не только события, но и персонажи, их действия, поступки;
- действие, разворачивающееся в кейсе, должно содержать интригу.

Таким образом, благодаря тому, что студент использует свои профессиональные знания, умения и навыки в комплексе с навыками владения иностранным языком, метод кейсов становится эффективным способом стимулирования мотивации и интереса в области изучения иностранного языка, способствуя развитию навыков анализа, межличностного взаимодействия, социокультурной и коммуникативной компетенции студентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Варданын, М.Р. Практическая педагогика: учебно-методическое пособие на основе метода case-study / М.Р. Варданын, Н. А. Палихова, И. И. Черкасова и др. – Изд. ТГСПА им. Д.И. Менделеева, Тобольск, 2009. – С. 12-19.
2. Готлиб, Р.А. Социальная востребованность знания иностранного языка / Р.А. Готлиб // Социологические исследования, 2009. – № 2. – С. 122–127.
3. Еремин, А.С. Обеспечение учебной работы с использованием кейс-метода / А.С. Еремин // Инновации в образовании, 2010. – № 4. – С. 11-13.
4. Харченко, М.Г. Обзор научных публикаций по использованию метода конкретных ситуаций (case-study) на занятиях по английскому языку как способа развития коммуникативных навыков будущего специалиста / М.Г. Харченко // Теория и практика обучения иностранным языкам в неязыковом вузе: традиции, инновации, перспективы: сб. научных трудов: Изд. М. ФГОБУ ВПО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»; Департамент языковой подготовки, 2014. – С. 276-282.

Материал поступил в редакцию 29.12.15.

**CASE-STUDY METHOD IN COMMUNICATIVE
SKILLS DEVELOPMENT AT FOREIGN LANGUAGE TEACHING**

L.A. Motailo, Associate Professor of Department of Historical-Legal and Social-Economic Disciplines,
Far Eastern Institute (branch)
of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Khabarovsk), Russia

***Abstract.** This article is devoted to usage of “case technology” during professional training of students. The “case-study” method promotes formation of abilities of standard tasks solution of all types of professional activity, development of analytical and estimated skills, activation of communicative abilities during foreign language learning. The case-study method implementation problem in practice of higher education is actual as it is directed on formation of professional competence and the solution of education research problems.*

***Keywords:** case technology, types of cases, educational situations, communicative competence.*

UDC 80

STUDY OF FEMINISM AND SEXISM IN ENGLISH LANGUAGE

Xu Ping, Associate Professor
Dalian Art College (Dalian City, Liaoning Province), China

Abstract. *Language is a product of the development of the society. The use of language also reflects the social discrimination like a mirror. We can find problems in society and culture through the language. Sexism is a phenomenon of society which is a kind of discrimination by one sex against the other, especially by males against females. Applied to English language, this biased representation of the sexes concerns the portrayal of men as the norm and women as the appendage or the exception in language.*

Keywords: *feminism, gender, sexism, discrimination, society, fight, coercion, English.*

Where there exists sexism, there will be the power of struggle. Especially since the 1850s, in the west, a part of women's conscience had been improved. To get the same interest and rights as men in life, women started feminism with vigor and vitality. Feminism generated influence on society, politics and business. It not only changed the situation of women in society, but also had great influence on non-sexism in English language. This paper analyzes the influence result from each other. It can help to challenge the conception of 'normality' and raise person's awareness, which serves as a prelude to the elimination of sexism in language to easily improve the present situation.

In this paper I will mainly discuss the feminism's influence on the sexism English language. We can find the influence on people's concept and the detailed changes in English language.

Key words: **sexism, English, feminism**

I Feminism

Everything happened for a reason. Feminism is the same. With the development of the society and the culture, people can see this world more clearly. When they couldn't stand some customs and habits, they would resist. So the feminism broke out.

In the encyclopedia, feminism is defined as a social theory and political movement. Primarily informed and motivated experience of women, it provides a critique of gender inequality and promotes women's rights, interests and issues. Some other scholars think that feminism is the women's liberation movement. The purpose is to get women equal rights and the right to equal status with men, and the choice of people's career and the way of life of freedom. Most feminists hold a belief that women as a group are treated oppressively and differently from men; they are subject to personal and institutional discrimination. The feminism campaign on issues such as vote rights, reproductive rights, maternity rights, domestic rights, equal pay, discrimination, sexual violence and so on. Women have never ceased to fight for their rights, though feminism in the west didn't take any visible shape till the nineteenth century in the name of women's liberation movement.

II Sexism in English Language

Sexism is an enduring popularity issue and topic in the social life. It always puts influences our philosophy of life, view of value and the world of outlook. Sexism exists in every aspect of our lives, including English language. We can find the level of social development through the extent of sexism. Sexism can stand for the culture, thoughts, value social progress and education level in the world. As the same situation, language is the result of social development and social phenomenon. So sexism in English language is an important topic in our daily life.

In the Oxford Advanced Learner's English-Chinese dictionary, sexism means that "*disapproving action based on the ideas or belief that the members of one sex are less intelligent, able, and skillful, etc, than the members of the other sex, especially that women are less able than men and those particular jobs and actions are suitable for women and others are suitable for men*" (A S Hornby 866). Some other dictionary defines sexism as discrimination based on gender, particularly discrimination against women. From these definitions, we can easily find that because of the differences from genders, women become the social vulnerable groups and discriminated by men.

In the world, women do not own the same rights and the equal treatment as men, this condition still

reflects in language. People use their language to express the difference and low situation of women, as in the prejudicial use of male or female pronouns, or implicit. We can see lots of evidences about the different between women and men in language.

III Influence of Feminism on the Sexism in English Language

Feminism is one of the largest social movements, which brings about a series of social reforms. From the first feminism to now, women have gained the right of vote, working outside, the right of choice, a reasonable salary, declaring their thoughts and equal rights to have the higher position to their job, society and policy. All these have shaken the status in the society. On the other hand, with the upgrading position of women, sexism in English language is less used than before, and at last we will eliminate sexism in English language.

In the history of feminism, we can not forget the name that made a contribution to fighting with sexism in literature critics. They are Simone de Beauvoir, Virginia Woolf, E Showalter. During the feminism, they not only fought for the equal rights of women, they also initiated a linguistic reform in English language. They wanted to eliminate the most obvious words and signs of sexism in English language.

Influence on People's Concepts. We know that because of the feminism, sexism in English language has changed. When the feminism has happened, it waked the mind and consciousness of some women in the bottom of the society to fight with unequal treatment. So it makes progress in appellation and some new words in English language was created.

1) Influence on the Choice of Appellation

If you live in the English speaking countries or you have ever watched the passed movies, you would found that when one called a woman, he just used her first name. But if a man was called, they used his title plus his last name more often, and if women just called male first name, they would violate the rules of appellation. The unequal treatment was so clear. With the feminism influence, women have their own status in the world and are not inferior to men. So today, female can just call male first name directly.

2) Influence on Traditional Concept

Under the influence of feminism, women have got their own position in the society. Even in English language, in order to express the equality of female and male, some new English words have appeared. For example, the word "househusband", we never knew it in the 19th century. This word is derived from the word "housewife". The appearance of this word prove that the feminism changed the position of women. Now, male and female have the same rights and the same position in the family.

Influences of Feminism on Linguistics

The most widely publicized concern of feminist language planners is that of striving for linguistic neutrality of the sexes. Underlying this concern is the viewpoint that the language is capable of expressing linguistic usage in equal if some proposed changes brought out by feminism movement. We can see the influence in the following.

1) Changes of Pronouns and Nouns in English Language

At present, when we review the changes about English words, we will find that many words change morphology to avoid sexism in English language. There are some examples for this phenomenon: postman - postwoman - postworker ; chairman-chairwoman-chairperson; congressman-congresswoman and so on.

We talked that before in English language, the third person singular use in the sentence express discriminate. The word "man" (men) has the same meaning. So in order to improve the sexism in English language, people change the word in sentences. We change "man" into "human being, person or individual". Using "synthetic or artificial" replaces "manmade". We use the word "workforce, staff, personnel or labor", and do not use "manpower". There are so many words changed like these.

2) Influence on Using Neutral Words

One of the most important influences by the feminism is changing people's thoughts and improving women's status, and then using neutral words to express. In English, the most popular words about sexism are with suffix. Today, because of the influence of feminism, it's a new trend to spread neutral words and use the gender-free words. It's most obvious in the job title, such as the words that leader, writer, expert, dealer, teacher, etc. And try to avoid using the words with suffix -ess, -ress, etc.

IV Conclusion

Sexism has been existing in English language for a very long time, whether in written or in oral, whether in form or in structure. Those all effects result in that women have a lower position than men in our society. Women were discriminated and insulted by men in acts and language. With more women educated, they could not stand the unequal treatment and they woke up to fight for their position and rights. So in the

1860th, the feminism has been triggered. It developed greater and greater, affecting many areas in the society. Such as in politics, women got the right of vote; in the family, women had the choice; in the job market, women could have the area of themselves. All those have given women confidence and power. Those changes are reflected in English language. Because of feminism, we found that the sexism in English language has become unobvious. Some new forms, words and usages are created.

The whole English are changing, and it will never stop. The feminism in our society is still going, so the male and female will stand in the same status and respect each other. With the continuous influence of feminism, English language will be more reasonable and perfect. With the development of sexism in English language, the feminism makes a great contribution to it.

REFERENCES

1. Spender, D. Man made language / D. Spender. – London: Routledge & Kegan Paul, 1980.
2. Wardhaugh, R. An Introduction to Sociolinguistic / R. Wardhaugh. – England: Basil Blackwell Inc, 1986.
3. 白解红. 《性别语言文化与语用研究》. 长沙: 湖南教育出版社, 2000.
4. 邓炎昌. 《语言与文化》. 北京: 外语教学与研究出版社, 1997.
5. 顾嘉祖、陆昇、郑立信. 《语言与文化》. 上海: 上海外语教育出版社, 2002.

Материал поступил в редакцию 30.11.15.

ФЕМИНИЗМ И СЕКСИЗМ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Сюй Пин, доцент

Колледж искусств (г. Далянь, пров. Ляонин), Китай

***Аннотация.** Язык является продуктом развития общества. Использование языка также отражает социальную дискриминацию. Мы можем найти проблемы в обществе и культуре через язык. Применительно к языку, люди часто исходят в своих оценках из стереотипных представлений о ролях мужчины и женщины. Мужчина сильный и надежный, женщина слабая и беззащитная. Такое отношение приводит к ограничению их социальных прав и возможностей. Эта статья может помочь бросить вызов концепции «нормальности» и улучшить сложившуюся ситуацию женщин в обществе.*

***Ключевые слова:** феминизм, гендерный, сексизм, дискриминация, общество, борьба, принуждение, Английский язык.*

УДК 1751

О МЕХАНИЗМАХ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В КОНСТРУИРОВАНИИ ГАЗЕТНЫХ ЗАГЛАВИЙ

А.П. Цой¹, К.М. Сидорченко²

¹ кандидат филологических наук, научный руководитель, доцент, ² магистрант
Национальный Университет Узбекистана (Ташкент), Республика Узбекистан

Аннотация. В статье представлен анализ механизмов языковой игры в конструировании структуры заглавий газетных материалов, функцией которых является воздействие на восприятие и оценку читателей. Предметом исследования явилась языковая игра, представленная в тексте СМИ. Целью настоящего исследования является изучение сущности, структуры, семантики и функций языковой игры в тексте СМИ, определить их роль в механизмах языка СМИ. Исследование предполагает расширение научного представления о феномене игры и игровых стратегиях в современном СМИ. Это в свою очередь позволит взглянуть на язык СМИ по-новому, поможет глубже проникнуть в уникальную систему текста.

Ключевые слова: публицистика; стандарт; экспрессия; сообщение; заглавия газетных материалов; модель заглавия; воздействие.

Как известно, современная лингвистика в целом формируется как антропологическая, и исследование языковых процессов ведется в неразрывной связи с потребностями коммуникативной деятельности, предполагая учет человеческого фактора, когда субъект речи и ее реципиент включаются в описание языковых механизмов.

Поскольку реальное функционирование языка выражается в использовании его в коммуникативной деятельности с соответствующими ей когнитивными процессами «субъект речи и ее реципиент предстают как организующие центры этой деятельности» [1, с. 36]. Действительно, именно «говорящий, ориентируясь на «сказываемое» положение дел в мире, давая им оценку, выражая свое эмоциональное отношение к ним и «вписывая» эти сведения в одну из социально (а тем самым и стилистически) маркированных форм речи, отбирает подходящие языковые единицы и правила их комбинации, руководствуясь избранной стратегией речевой деятельности, рассчитанной на коммуникативную удачу» [1, с. 36].

Подчеркивая «революционный» характер воздействия глобальных событий половины 80-х – начала 90-х годов XX в. на развитие и функционирование общества и языка, Е.А. Земская в коллективной монографии «Русский язык конца XX столетия (1985-1995)» в числе наиболее значимых выделяет следующие черты:

1. резкое расширение состава участников массовой коммуникации;
2. резкое ослабление цензуры и автоцензуры;
3. возрастание личного начала в речи;
4. возрастание диалогичности общения, как устного, так и письменного;
5. меняются важные параметры протекания устных форм массовой коммуникации;
6. появление стремления выработать новые средства выражения, новые формы образности [4, с. 12-14].

Выделенные Е.А. Земской характеристики оказывают большое воздействие на все типы текстов, особенно на язык СМИ.

Как известно, публицистический стиль, будучи «коммуникативно-прагматическим» по своей сути и выполняемой функции (сообщения и воздействия), характеризуется особенностью – совмещением *стандарта* и *экспрессии*. Однако в настоящее время, по утверждению исследователей, «отмечается сдвиг баланса двух составляющих данного стиля «в пользу экспрессивного начала» [6, с. 225]. Так, основным *стиле-* и *смыслообразующим* фактором публицистических материалов становится *оценка*, играющая важную роль на всех этапах создания текста, проявляя себя в отборе и классификации фактов и явлений действительности, в их описании под определенным углом зрения, в соотношении негативного и позитивного. Именно *оценка* играет важную роль в механизмах

языковой игры, ярко и настойчиво проявляющей себя в языке современных СМИ. Журналист и читатель все чаще пользуются *двойным языковым кодом*, переходя с эксплицитного способа выражения и восприятия смысла на имплицитный и наоборот, вследствие чего и тот и другой находятся в положении «человека играющего» (Й. Хейзинга).

Следует отметить «двойную» природу самой категории оценки. С одной стороны, как отмечает Н.Д. Арутюнова, «аксиологическая противоречивость объектов заложена в природе вещей» [1, с. 8] и обуславливается «физической и психической природой человека, его бытием и чувствованием» [1, с. 5]. С другой стороны, «оценка» сама обуславливает «мышление и деятельность, отношение человека к другим людям и предметам действительности, его восприятие искусства» [1, с. 5]. Иначе говоря, интересы людей, постоянно сталкиваясь, меняются и оказывают влияние на изменение оценки. Поэтому аксиологическое утверждение, будучи прагматически обусловленным, «больше характеризует субъекта оценки, чем ее объект» [1, с. 9]. Следовательно, *оценка* – способ выражения восприятия и понимания субъекта оценки, автора текста. Вместе с тем очевидно и то, что аксиологические значения представлены в языке двумя основными типами: *общеоценочным* и *частнооценочным*. Первый тип, реализуясь прилагательными *хороший* и *плохой* (и их синонимами), выражает аксиологический итог. Второй тип, являясь более обширным и разнообразным, включает в себя «значения, дающие оценку одному из аспектов объекта с определенной точки зрения» [1, с. 12]. По мнению Н.Д. Арутюновой, «классификация частнооценочных значений представляет трудности, обусловленные нечеткостью границ, разделяющих такие понятия, как объект, основание и способ установления оценки» [1, с. 12]. Вероятно, это связано с тем, что *оценка общей ситуации* (хорошей или плохой) делается исходя из разных *точек зрения* и *типов оценок*: то, что *хорошо* для одного, может быть *плохо* для другого. Это свойство *оценки* часто используется в качестве *объекта оценки*.

Особый интерес для исследователей в этом плане представляет сегодня язык СМИ как источник сообщения информации, являющейся объектом восприятия и оценки широкой читательской аудитории. Одним же из важнейших структурно значимых «оценочных» языковых единиц в структуре языка СМИ являются рекламные слоганы, заглавия газетных и журнальных материалов, названия газетных и журнальных рубрик.

Отмечаемая в современных СМИ языковая игра как результат стремления к высокой экспрессии обуславливает развитие тенденции к конструированию ярких, необычных, порой неожиданных заглавий газетных материалов, компонентами которых чаще всего являются прецедентные феномены. Причем эффект неожиданности, как правило, возникает в результате смешения и столкновения разнородных языковых компонентов:

«Девальвация покорности: кто выиграл в борьбе за «Башнефть»»
(URL:forbes.ru 17.02.2015 17:28)

«Забронзовевшая власть: самые известные памятники политикам»
(URL:forbes.ru 13.02.2015 04:00)

«Миллиардер на выданье: где устраивают свадьбы богатейшие люди мира»
(URL:forbes.ru 13.02.2015 15:21)

Анализ приведенных газетных заглавий показал, что эффект неожиданности и новизны обусловлен их структурными особенностями, способствующими *расширению поля диалога авторов* газетных материалов *с их адресатами* – читательской аудиторией. В результате столкновения разнородных языковых компонентов, разных «точек зрения» и «типов оценок» в структуре заглавий в восприятии читателей возникают различные ассоциативные и оценочные планы. Так, все рассматриваемые три заглавия сконструированы по принципу «тезис: пояснение», ср.: *Девальвация покорности: кто выиграл в борьбе за «Башнефть»*; *Забронзовевшая власть: самые известные памятники политикам*; *Миллиардер на выданье: где устраивают свадьбы богатейшие люди мира*.

Рассмотрим подробнее первое заглавие *Девальвация покорности: кто выиграл в борьбе за «Башнефть»*. Следует отметить, что «тезисная» часть данного заглавия, в свою очередь, сконструирована по принципу своего рода «стилистического» и «семантического» оксюморона: 1) *девальвация* (публиц.) + *покорность* (нейтр.); 2) *девальвация* – «уменьшение официального золотого содержания денежной единицы страны или снижение ее курса по отношению к валютам других стран, осуществляемое в законодательном порядке» [5, с. 151] + *покорность* – «послушный, уступчивый» [2, с. 487]. В результате такого совмещения/столкновения «рождается» новое значение: «уменьшение послуш-

ности, уступчивости». Вторая, пояснительная, часть заглавия *кто выиграл в борьбе за «Башнефть»*, с одной стороны, поясняет, «расшифровывает» тезисную часть, с другой, - вступая с ней в определенные стилистические и смысловые противоречия, реализует значение «выигрывает тот, кто не уступает».

Второе заглавие *Забронзовевшая власть: самые известные памятники политикам*, сконструированное по тому же принципу «тезис – пояснение», с одной стороны, прогностически рассчитанное на ряд устойчивых ассоциаций («бронзовые статуи устанавливаются, как правило, выдающимся личностям (писателям, ученым, артистам и др.)»), выступая в сочетании со словом «власть», с другой стороны, создает неожиданные смыслы: префикс *за-* и суффикс действительного причастия прошедшего времени *-вш-* «высекают» значение «власть так «забронзовела», «заелась», что самые известные памятники нынче устанавливают политикам».

Структура третьего заглавия *Миллиардер на выданье: где устраивают свадьбы богатейшие люди мира* также состоит из двух компонентов. Первая, «тезисная», часть заглавия состоит из двух грамматически не сочетаемых составляющих: *миллиардер* (существительное м.р., следовательно, *мужчина*) + *выданье* (на выданье, как правило, *девушки*). Совмещение/столкновение этих, на первый взгляд, несовместимых составляющих вызывает ряд противоречивых ассоциаций и оценок: «мужчина-миллиардер на выданье», «брак по расчету». Однако вторая, пояснительная, часть помогает расшифровать значение данного заглавия: «свадьба для миллиардера – возможность продемонстрировать свое «приданое», свою готовность на *выданье*».

Таким образом, можно сделать вывод, что во всех трех рассмотренных нами заглавиях тезисная часть выполняет своего рода функцию рекламы – вызвать интерес читателя, привлечь его внимание, заинтриговать. Вторая, пояснительная, часть, расшифровывая содержание тезиса, делает информацию понятной и доступной.

Авторы газетных статей, ориентируясь на существующее положение дел в мире, давая им оценку, выражая свою точку зрения, отбирая те или иные языковые единицы и правила их компоновки, обыгрывают их, руководствуясь при этом избранной стратегией речевой деятельности, рассчитанной на коммуникативную удачу. Иначе говоря, проанализированный в данной статье *тип двучастных заглавий* газетных материалов представляет собой некую *модель смыслопорождения и оценки*.

На наш взгляд, в рассмотренном нами принципе конструирования заглавий газетных материалов реализуются механизмы языковой игры, составляющими которого являются *субъектный, объектный и аксиологический планы диалога автора текста с его адресатом* [7]. Так, *объектом диалога и оценки субъектов – автора газетного текста и адресата (читателя) – служит содержание сообщаемой информации, одновременно реализующей и формирующей аксиологические планы автора и его адресата (читателя)*. Такая *взаимобратимость субъекта оценивания и объекта оценки и мерила оценивания* способствуют «расширению» диалога автора текста с его адресатами – широкой читательской аудиторией [5, с. 38-39].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова, Н. Д. Аксиология в механизмах жизни и языка / Н. Д. Арутюнова // Проблемы структурной лингвистики. 1982. – М., 1984. – С. 5-23.
2. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1983. – С. 487.
3. Паняхина, А. Н. Оценочные функции эвфемизмов в современных СМИ / А. Н. Паняхина // Проблемы языковой картины мира на современном этапе. Нижний Новгород: НГПУ им. К.Минина, 2012. – С.225
4. Селезнева, Л. В. Диалогичность газетного текста / Л. В. Селезнева // Язык. Культура. Общество. – М.: Высшая школа, 2007. – С. 38-39.
5. Словарь иностранных слов. – М.: Русский язык, 1989. – С. 151.
6. Телия, В. Н. Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности / В. Н. Телия, Т. А. Графова, А. М. Шахнарович. – М.: Наука, 1991. – С. 36.
7. Цой, А. П. Механизмы языковой игры в пьесах Л.С. Петрушевской. Автореф. канд. филол. Наук / А. П. Цой. – Ташкент, 2009. – 24 с.

Материал поступил в редакцию 28.12.15.

**ON THE MECHANISMS OF LANGUAGE GAME
IN CREATION NEWSPAPER HEADINGS**

A.P. Tsoy¹, K.M. Sidorchenko²

¹ Candidate of Philological Sciences, Scientific Supervisor, Associate Professor,

² Candidate for a Master's Degree

National university of Uzbekistan (Tashkent), Republic of Uzbekistan

***Abstract.** The article presents an analysis of the language game mechanisms of titles in the design of the newspaper materials structure, whose function is impact on the perception and evaluation of readers. The study subject was a language game, presented in the media text. The aim of this study is to examine the nature, structure, semantics and functions of language game in the media text to determinate their role in the language media mechanisms. The study suggests expansion of the scientific understanding of the phenomenon of games and game strategies in today's media. This in turn will look at the language of the media in a new way, it will go deeper into the unique system of text.*

***Keywords:** journalism; standard; expression; message; articles heading; model title; effects.*

Literary Theory. Textology
Теория литературы. Текстология

УДК 80-4

**ВАРИАТИВНОСТЬ АНГЛИЙСКИХ
ПОЭТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
«GATE OF HEAVEN» И «GATE OF HELL» В ТЕКСТАХ 16-20 ВЕКОВ**

Д.К. Каримова, доцент
Московский государственный областной университет, Россия

***Аннотация.** В статье анализируются особенности лексического и грамматического варьирования фразеологизмов 'gate of heaven' и 'gate of hell' на материале английских поэтических текстов 16-20 веков. В результате исследования автор приходит к выводу о высокой продуктивности и диахронической устойчивости поэтического фразеологизма 'gate of heaven', которая обусловлена вариативностью его лексического состава и грамматической структуры. Замечено, что лексико-грамматическая вариативность данного поэтического фразеологизма компенсируется относительной позиционной устойчивостью его компонентов в строке и семантическим сходством микроконтекстов, обусловленным существованием инвариантного мотива.*

***Ключевые слова:** формульные конструкции, поэтический фразеологизм, образный/указательный компонент фразеологизма, лексико-грамматический вариант фразеологизма, синонимическое варьирование, грамматическая модель расширения фразеологизма, многозначность поэтического фразеологизма, диахроническая устойчивость фразеологизма, продуктивность парадигмы.*

Понятие поэтической фразеологии напрямую связано с теорией формульности, в основе которой лежит положение о наличии в поэтической (как устной, так и литературной) речи формул – устойчивых словесных конструкций, как правило, ритмически упорядоченных и повторяющихся в текстах разных авторов на протяжении длительного периода. Формульность английской литературной поэзии изучена недостаточно (Tarlinskaja, 118). Скромным вкладом в исследование данного вопроса может стать определение категориальных свойств английских поэтических фразеологизмов (ПФ), выявление их функционально-семантических характеристик и диапазона варьирования в текстах. Лексико-грамматическая вариативность ПФ была исследована нами на материале устойчивых словосочетаний 'gate of heaven' и 'gate of hell', которые характеризуются воспроизводимостью во многих индивидуальных стилях на большом промежутке времени. Данные словосочетания функционируют как в своем прямом мифопоэтическом значении (Дж. Мильтон, У. Вордсворт), так и в качестве метафор; таким образом, их можно считать антонимичными ПФ, отражающими дуализм архетипического символа ворот. Эти ПФ обладают устойчивостью обоих (указательного и образного) компонентов, и, как и любые ПФ, их меньшей спаянностью, по сравнению с компонентами общезыковых фразеологизмов (Рыньков, 130). ПФ 'gate of heaven' воспроизводится в английской поэзии 16-20 веков как в данном лексико-грамматическом составе, так и в форме 15-ти лексико-грамматических вариантов. Одно и то же значение представлено вариантами с образным компонентом-существительным (gates, portals, doors, arch), указательным компонентом-существительным (heaven, paradise, sky), а также указательным компонентом-прилагательным (heavenly, celestial, eternal, upper). Перед нами парадигма вариантов поэтического образного архетипа 'Gate of Heaven' с доминирующими лексемами 'gate' и 'heaven' (Таблица 1).

Лексико-грамматическая форма 'gate of heaven' в большинстве встреченных вариантов синтагматически связана с понятиями греха и наказания (*But see! the angry Victor hath recalled/ His ministers of vengeance and pursuit/Back to the gates of Heaven: the sulphurous hail* [J. Milton, Paradise Lost:

The First Book, 171], *Sweet Mercy! to the gates of Heaven/ This Minstrel lead, his sins forgiven;* [W. Wordsworth, Memorials of a Tour in Scotland, 1803, III, 55]) или жизни и смерти (*Yet still I feel immortal! O my love / My breath of life, where art thou? High above./ Dancing before the morning gates of heaven?* [J. Keats, Endymion, II, 688]; *The spirits were in neutral space, before /The gates of heaven; like eastern thresholds is/ The place where Death's grand cause is argued o'er* [G. Byron, The Vision of Judgment XXXV, 2]), где ПФ тяготеет к началу или концу строки.

Притяжательная грамматическая конструкция 'heaven's gate', имеющая более «легкую» ритмическую структуру, тоже стремится к сильным позициям в стихе; варианты с данным словосочетанием характеризуются положительной эмоциональной окраской: *The soaring lark is blest as proud/ When at heaven's gate she sings* [W. Wordsworth, Gold and Silver Fishes in a Vase, 2]; *Now was he slumbering towards heaven's gate,/ That he might at the threshold one hour wait/ To hear the marriage melodies* [J. Keats, Endymion, IV, 381]; *For I would watch all night to see unfold/ Heaven's gates, and Aethon snort his morning gold/ Wide o'er the swelling streams* [J. Keats, Endymion, III, 363].

Самой сжатой, однословной грамматической формой ПФ того же лексического состава является сложное существительное *heaven-gates*: *His swift pursuers from Heaven-gates discern* [J. Milton, Paradise Lost: The First Book, 326].

Продуктивность рассматриваемой парадигмы высока благодаря синонимическому варьированию образного компонента. Второй по степени продуктивности, стилистически сниженный вариант парадигмы существовал в текстах Дж. Донна и Дж. Мильтона в форме притяжательной конструкции *heaven's door*, имеющей ритмическую структуру одной стопы ямба и стремящейся к финальной позиции в строке: *To open life? to give kingdoms to more/ Than kings give dignities? to keep heaven's door?* [J. Donne, To Mr. Tilman After He Had Taken Orders, 40], *Above the wheeling poles, and at Heaven's door* [J. Milton, At a Vacation Exercise in the College, Part Latin, Part English, 34]. В текстах 19 века встречаются грамматические формы этого лексического варианта парадигмы, имеющие другую ритмическую структуру:

а) грамматическая форма расширения образного компонента прилагательным (*She arrogates o'er heaven's eternal door* [W. Wordsworth, Ecclesiastical Sonnets Part I, XXXVI, 4]),

б) атрибутивная конструкция 'heavenly door' (полторы стопы ямба), сохраняющая упомянутую выше позиционную тенденцию: *Kind Nature keeps a heavenly door/ Wide open for the scattered Poor* [W. Wordsworth, Devotional Incitements, 58].

Наиболее продуктивной является ритмически более сложная (две стопы хорее) синтаксическая модель 'doors of heaven', которая в текстах 19 и 20 веков сопровождается междустрочным переносом и синтаксическим разбиением строки, нейтральностью коннотации окружающей лексики и отсутствием каких-либо из упомянутых лексико-синтагматических связей. (*And travelling my eye, until the doors/ Of heaven appear'd to open for my flight* [J. Keats, Endymion, I, 581-582]; *Apollo singeth, while his chariot/ Waits at the doors of heaven. Thou art not* [J. Keats, Endymion, III, 955-958]; *Desolate winds that beat the doors of Heaven, and beat/ The doors of Hell and blow there many a whimpering ghost* [W.B. Yeats, A Cradle Song, 9-10]).

Третьим по продуктивности (см. Таблицу 1) является лексико-грамматический вариант 'heaven's portals', который функционирует в уже знакомой синтаксической модели расширения образного компонента прилагательным (*See! Heav'n its sparkling portals wide display* [A. Pope The Messiah: A Sacred Eclogue 96]; *At Heaven's wide-opened portals gratulant* [S.T. Coleridge, The Destiny Of Nations, 339]). Несмотря на то, что в первом случае структура осложнена предикатом (указательный и образный компоненты связаны субъектно-объектными отношениями), нельзя не отметить ритмометрическое и семантическое сходство двух текстовых отрезков. В целом, грамматическая модель расширения образного компонента данного ПФ прилагательным довольно продуктивна: вариант с четвертым синонимом образного компонента – 'arch' – имеет именно эту модель: *Fanning his temples under heaven's blue arch* [W. Wordsworth, The Excursion, 308].

Упомянутая выше грамматическая форма расширения данного ПФ предикатом имеет несколько вариантов осложнения конструкции и дистанцирования ее компонентов.

А) Компоненты ПФ находятся в одной строке. В двух из трех встреченных вариантов они занимают сходные метрические позиции, что усиливает сходство текстов: *See! Heav'n its sparkling portals wide display* [A. Pope, The Messiah: A Sacred Eclogue, 95]; *Ere heaven shall ope her portals to this Guelph* [G. Byron, The Vision of Judgment, XLIX ,7]. Сходство подчеркивает и семантический повтор 'ope' – 'wide'.

Б) Компоненты ПФ находятся в соседних строках. Во встреченных вариантах конструкция осложнена предикатом и обстоятельством: *And Heaven, as at some festival, / Will open wide the gates of her high palace-hall* [J. Milton, On the Morning of Christ's Nativity, 148]; *The glorious train ascending. He through Heaven, / That opened wide her blazing portals, led* [J. Milton, Paradise Lost, VII, 575]. Сходство всех вариантов модели осложненной предикатом усиливает повтор эпитета 'wide', в двух из них присутствует явный семантический параллелизм: *sparkling portals wide display* и *opened wide her blazing portals*. Семантическое сходство этих вариантов обусловлено устойчивостью поэтического мотива открытых небесных врат.

В) Компоненты heaven и gates удалены и находятся через строку, разрушена их синтаксическая связь, а вместе с ней и поэтический фразеологизм: *All heaven bursts her starry floors, / / And deepens on and up! the gates / Roll back* [A. Tennysson, St. Agnes' Eve, 29].

Говоря о вариативности образного компонента ПФ 'gates of heaven' следует также упомянуть встреченные в текстах Дж. Донна, Дж. Байрона и В. Скотта варианты его метонимической замены, приводящей к стилистической сниженности ПФ: *that she-cherubin, / Which unlock'd paradise* [J. Donne, Litany, V, 4]; *When He, to whom are given the keys of earth and heaven* [W. Scott, The Gray Brother, 119]; *Be guided who shall enter heaven or fall* [G. Byron, The Vision of Judgment, CI, 4].

Синонимия в рассматриваемой парадигме основана на замене не только образного (gates/doors/portals/arch/keys/lock), но и указательного компонента. Существительные Paradise и Eden, однако, синонимичны доминирующей лексеме heaven лишь в одном из ее значений, что, на наш взгляд, объясняет непродуктивность лексических вариантов 'gates of Paradise' и 'Eden's gate'. Присутствие слов wide и open делает строки С. Кольриджа *The massy gates of Paradise are thrown / Wide open* [S.T. Coleridge, Religious Musings: A Desultory Poem Written On The Christmas Eve Of 1794, 345] похожими на приведенные выше варианты А. Попа и, особенно, Дж. Мильтона, где фраза *open(ed) wide* тяготеет к началу строки после переноса. Это подтверждает лексико-семантическую устойчивость и грамматическую вариативность фразеологизма, реализующего мотив открытых небесных врат. Фраза *thro' Eden's closing gate* [S.T. Coleridge, The Improvisatore, 201] воспринимается на этом фоне как вариант того же амбивалентного мотива.

Существительное sky встречено лишь в одном из 31 выявленных вариантов данной парадигмы, в словосочетании «тяжелой» ритмической структуры (три стопы ямба) – 'a portal in the sky': *Lay hushed; till – through a portal in the sky / Brighter than brightest loop-hole, in a storm, / Opening before the sun's triumphant eye* [W. Wordsworth, Ode When the soft hand of sleep, 19]. Тяготение данного словосочетания к финальной позиции в строке, наличие в тексте формы глагола 'open' и семы 'light' сближают этот вариант с упомянутыми выше.

В трех встреченных атрибутивных словосочетаниях, относящихся, на наш взгляд, к данной парадигме, значение 'heaven' эксплицитно только в *Saint Peter sat by the celestial gate* [G. Byron, The Vision of Judgment I, XVI, 1], где стилистическая окраска аллитерирующего эпитета, содержащего сему «неба», снижена иронией, создаваемой контрастом темы и лексико-грамматического оформления фразы. В двух других вариантах значение 'heaven', также как и 'open', имплицитно: *The eternal gates terrific porter lifted the northern bar* [W. Blake, The Book of Thel, IV, 1]; *Hell to the lyre bowed low; the upper arch / Rejoiced that clamorous spell* [W. Wordsworth, On the Power of Sound, VIII, 10-16]. Освобождение и самостоятельное функционирование образного компонента в текстах 19 и 20 веков основано на диахронической стабильности и продуктивности данной парадигмы, обусловившей узнаваемость образа. С течением времени меняется лишь стилистическая окраска образного компонента ПФ: вариант 'portals', встречавшийся в 19 веке (*As that of busy spirits when the portals / Are closing in the west* [J. Keats, Calidore, 158-162]; *Her chamber-window did surpass in glory / The portals of the dawn; all paradise / Could, by the simple opening of a door, / Let itself in upon him* [W. Wordsworth, Vaudracour and Julia, 46]) сменяется существительным 'door' в 20-м (*The grey cairn on the hill, when day sinks drowned in dew, / Being weary of the world's empires, bow down to you / Master of the still stars and of the flaming door* [W.B. Yeats, The Valley of the Black Pig, 8]; *When the flaming lute-thronged angelic door is wide; / When an immortal passion breathes in mortal clay* [W.B. Yeats, The Travail of Passion, 1]). Функционируя самостоятельно, образный компонент в текстах 19 века предпочитает сильную (начальную или конечную) позицию в строке, подчеркивается междустрочным переносом, сопровождается словами с семой 'open' или 'close'; частично эти тенденции сохраняются и в 20 веке. А главное, обретая независимость от указательного компонента, образный элемент становится многозначным: в приведенных вариантах актуализируются значения сразу двух, а иногда и трех парадигм – Gate of Heaven, Gate of Morn, Gate of Life.

Следует отметить, что многозначность образа ‘Gate of Heaven’ сформирована совмещением указательных компонентов упомянутых ПФ и в ряде других текстов. Например:

Gate of Morn’: *Dancing before the morning gates of heaven* [J. Keats, *Endymion*, II, 688]; *And never was a day of summer shine,/ But I beheld its birth upon the brine:/ For I would watch all night to see unfold/ Heaven’s gates, and Aethon snort his morning gold* [J. Keats, *Endymion*, III, 363], *And saw the dawn opening the silvery east* [W. Wordsworth, *Guilt and Sorrow*, XXXV, 7-8];

‘Gate of Life/Death’: *To open life ? to give kingdoms to more/ Than kings give dignities? to keep heaven’s door ?* [J. Donne, *To Mr. Tilman After He Had Taken Orders*, 40]; *The gates of heaven; like eastern thresholds is/ The place where Death’s grand cause is argued o’er* [G. Byron, *The Vision of Judgment* XXXV, 2]; *Does the dark gate of death/ Conduct to thy mysterious paradise,/ O Sleep?* [P. Shelley, *Alastor: Or, the Spirit of Solitude*, 211]; *And, if an unexpected cloud should lower,/ Swiftly thereon a rainbow arch to build/For Fancy’s errands,--then, from fields half-tilled/ Gathering green weeds to mix with poppy flower* [W. Wordsworth, *Fair Prime of Life!*, 1-6] и др.

Дуализм архетипического символа ворот является причиной поэтического отождествления образов врат рая и ада: *Thy heaven doors are my hell gates* [W. Blake, *The Everlasting Gospel*, 8]. Однако ПФ ‘gate of hell’ вполне однозначен, значительно менее продуктивен (в том же материале встречено 8 вариантов), лексически неизменяем и грамматически гораздо менее вариативен, чем его антоним ‘gate of heaven’. Грамматически неизменный вариант ‘gates of hell’ обнаруживает позиционную стабильность: *In one sad day beheld the gates of hell* [A. Pope, *The Iliad: Book VI (excerpt)*, 74]; *Puts on swift wings, and toward the gates of Hell* [J. Milton, *Paradise Lost: The Second Book*, 631]; *No more inscribed, as o’er the Gate of Hell* [P. Shelley, *Prometheus Unbound*, IV, 136].

Грамматическими модификациями ПФ ‘gate of hell’ являются:

1) расширение указательного компонента прилагательным: *The seven fold yron gates of grislie Hell* [E. Spenser, *The Ruines of Time*, 365];

2) расширение образного компонента прилагательным в притяжательной конструкции ‘hell’s gate’: *We are steaming up from Hell’s wide gate* [P. Shelley, *Prometheus Unbound*, I, 518];

3) сжатая конструкция – сложное существительное ‘hell-gate’: *Had not the snaky Sorceress, that sat/ Fast by Hell-gate and kept the fatal key* [J. Milton, *Paradise Lost: The Second Book*, 725]; *To whom thus the Portress of Hell-gate replied* [J. Milton, *Paradise Lost: The Second Book*, 746]; *Hell-gates are powerless Phantoms when we build* [W. Wordsworth, *In my Mind’s Eye a Temple*, 14]

Подводя итог, следует отметить, что ПФ ‘gate of heaven’ характеризуется значительно большей продуктивностью и многозначностью по сравнению с его антонимом ‘gates of hell’. Устойчивость его лексического состава сочетается с лексико-грамматической вариативностью. Вариативность ПФ ‘gate of heaven’ компенсируется относительной стабильностью позиционных предпочтений компонентов фразеологизма и лексико-семантическим сходством микроконтекстов, обусловленным существованием инвариантного мотива.

Таблица 1

Вариативность указательного и образного компонентов ПФ ‘gate of heaven’

образный компонент	указательный компонент							
	heaven	sky	Paradise	Eden	celestial	upper	eternal	angelic
gate	35.48%	-	3.23%	3.23%	3.23%	-	3.23%	-
door	22.58%	-	-	-	-	-	-	3.23%
portal	16.13%	3.23%	-	-	-	-	-	-
arch	3.23%	-	-	-	-	3.23%	-	-

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алещенко, Е. И. Русская поэтическая фразеология. Авт. канд. дисс. / Е. И. Алещенко. – Волгоград, 1998.
2. Рыньков, Л. Н. Семантическая структура поэтических фразеологизмов / Л. Н. Рыньков // Семантико-грамматические свойства фразеологизмов русского языка. – Челябинск, 1985 – С.111-119
3. Tarlinskaja, M. Formulas in English Literary Verse / M. Tarlinskaja // Language and Style. – Vol. 22, № 2. – N. Y., 1989. – P. 115-130

Материал поступил в редакцию 28.12.15.

**VARIATION OF ENGLISH POETIC PHRASEOLOGICAL UNITS
'GATE OF HEAVEN' AND 'GATE OF HELL' IN TEXTS OF 16-20TH CENTURIES**

D.K. Karimova, Associate Professor
Moscow Region State University, Russia

***Abstract.** In this article the features of lexical and grammatical variation of phraseological units 'gate of heaven' and 'gate by of hell' are analyzed on the material of English poetic texts of 16-20th centuries. The author makes a conclusion about high efficiency and diachronic stability of the poetic phraseological unit 'gate of heaven', which is caused by variability of its lexical and grammatical structure. It is noticed that lexical and grammatical variability of this poetic phraseological unit is compensated by relative position stability of its components in the line and by the semantic similarity of micro-contexts caused by existence of invariant motive.*

***Keywords:** formulaic phrases, poetic phraseological unit, figurative/direct component of phraseological unit, lexical and grammatical versions of phraseological unit, synonymic variation, grammatical model of extension of phraseological unit, polysemy of poetic phraseological unit, diachronic stability of phraseological unit, paradigm efficiency.*

УДК 1751

ИСТОРИЯ ПОЯВЛЕНИЯ, ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ И ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК НЕОЛОГИЗМА “ON FLEEK”

А.Н. Глущенко, студент

Кубанский государственный университет (Краснодар), Россия

***Аннотация.** Слова во Всемирной паутине появляются так же быстро, как и исчезают. Однако некоторые из них остаются в активном употреблении пользователей Сети и, более того, выходят за пределы Интернет пространства. В данной статье рассматривается неологизм ‘on fleek’, история его употребления до возникновения в социальных сетях, особенности употребления в английском языке и варианты перевода на русский язык.*

***Ключевые слова:** Интернет-лексика, on fleek, социальные сети, неологизм.*

Всемирная паутина – это одно из величайших изобретений человечества. Последние 10 лет его существования ознаменованы не только появлением безграничных возможностей, связанных с легкодоступностью образования, безграничным общением, огромным потоком информации, но и непосредственно то значительное влияние, которое оказала Сеть на ход мысли и речи людей. Не секрет, что именно английский язык негласно считается главенствующим языком Интернета. Для многочисленных социальных сетей, а именно Instagram, Facebook, Youtube, Twitter, Vine и многих других, английский язык стал языком интерфейса. Это не могло не отразиться на глобализации общества 21 века. Без знания основ английского языка общение становится практически невозможным, так как все функции написаны латиницей, а аффиксы, возникающие в программах, происходят именно из английского языка.

Речь современного человека оказывается под большим воздействием, нежели еще лет 40 назад, когда о существовании безлимитного и скоростного доступа во Всемирную паутину можно было только мечтать. Каждый день появляются десятки новых слов, неологизмов, возникающих именно на просторах Интернета. Некоторые из них надолго оседают и активно употребляются в общении между пользователями Сети, и лишь немногие из этих слов "выбираются" за границы социальных сетей и уже навсегда остаются в речи людей. Так, историю возникновения многих из таких слов проследить практически невозможно, так как первоисточник уже давно затерялся во Всемирной паутине и обнаружить именно первичное контекстное употребление данного слова или фразы уже не предоставляется возможным. Мы предлагаем рассмотреть один из таких неологизмов, появившихся совсем недавно, но уже безвозвратно укоренившихся в нашей повседневной речи.

Точное значение неологизма "on fleek" до сих пор остается неизвестным. В данной работе мы попытаемся на основе различных примеров его употребления дать точное определение и перевод на русский язык. Но, прежде чем приступить непосредственно к выявлению точной дефиниции данного неологизма, мы обратимся к истокам его этимологии. Согласно Интернет изданию журнала People, самое первое упоминание выражения "on fleek" можно отнести к 2003 году, когда его дефиниция появилось в одном из разделов сайта Urbandictionary, позиционируют его себя, как словарь сленга и неологизмов. Определение, данное на сайте, "smooth, nice, sweet" [3]. Позже, в 2009 года, был добавлен еще один синоним – awesome. Однако, широкое распространение данное выражение получило только в июне 2014 года, когда один из пользователей международной социальной сети Vine с видеоконтентом, подписал свой ролик "eyebrows on fleek". В сентябре того же года это словосочетание стало широко использоваться на просторах Всемирной паутины. Многие знаменитости начали использовать его, но контекстная составляющая была всегда разной. Например, американская певица Ариана Гранда в одном из телешоу пропела эту фразу, а капелла. Всемирно известная сеть ресторанов

быстрого питания Тасо Bell опубликовала пост следующего содержания "Taso Bell is on fleek". Еще одна звезда мирового масштаба Ники Минаж написала в своем твиттере "Her song is on fleek". С тех пор данное выражение буквально заполонило Интернет, а еще чуть позже, стало использоваться повсеместно за его пределами. Учитывая тот факт, что данное словосочетание каждый раз появляется в разном контексте, а не в определенной тематике, как, например, это было при его самом первом употреблении, точное значение его все еще не ясно. Точного определения не дают нам и словари. Данное выражение еще не появилось в печатных изданиях, так как получило свое распространение относительно недавно, а Интернет-издания общепризнанных словарей также не дают точное определение. Например, онлайн словарь Cambridge вообще никак не отображает данное явление. Интернет-издание Oxford не дает определение отдельно слову "fleek", но упоминает выражение "on fleek", как часть американского сленга, появившегося в 21 веке [2]. Сайт complex.com пытается найти истоки данного слова в 19 веке. Так, согласно данному изданию, "fleek" встречается в анго-уэльском словаре Вильяма Пага 1803 года [1]. Однако, данное слово встречается лишь раз и входит в состав определения слова "mwythus", что дает обоснование предполагать, что слово имеет приблизительно сходное значение со словами "delicate, puffed up". Этот же источник также выдвигает версию, что слово "fleek" - это ошибочное написание слова "sleek", которое часто употребляется для описания волос и бровей. Но всё же, утверждать, что это так, прямого обоснования нет.

Мы предлагаем рассмотреть несколько примеров использования данного словосочетания в современном английском, что позволит нам наглядно проследить его контекстуальное употребление.

1. Zayan is on fleek due to his ability to appear perfect at all times.
2. James' personality is on fleek.
3. Girl your outfit on fleek!
4. Woah, Hannah's eyebrows are on fleek!
5. - Hey what you been doing tonight?
- I went round Atlanta's hous for dinner... She made burgers... They were on fleek!
6. OMG the music is on fleek.
7. Have you ever seen anything so fleek in your life?
8. The concert was definitely fleeky!
9. He is soooo fleeky!
10. The parrrrty wassss on fleek! I went round Atlanta's hous for dinner... She made burgers... They

were on fleek!

Итак, как мы видим, данное выражение используется не только в связке с описанием волос или бровей, что уже говорит о расхождении со значением слова "sleek". Более того, "on fleek" используется при описании человека, одежды и даже еды. Значит, перевод "вкусный" является неуместным и неточным. "Красивый" также не подходит, так как "красивая личность" или "красивые бургеры" звучит абсолютно абсурдно. "Нарядный", как вариант описания одежды также является неточным, так как не подходит ко всем остальным пунктам.

Словарь современного английского Urban dictionaries предлагает несколько определений, а именно "being perfect, on point, very good, flawless". Принимая во внимание широту использования данного выражения, а именно в сферах музыки, культуры, кулинарии, моды, спорта и даже описания внешности и характера человека, можно сделать вывод, что перевод должен быть универсальным и подходящим для всех этих ситуаций. Мы предлагаем взять за основу слово "потрясающий" и, для подтверждения данным выбором, мы переведем каждое из предложенных предложений, с использованием данного слова.

1. Заян просто потрясающий так как ему удастся всегда выглядеть отлично.
2. Джеймс просто потрясающая личность.
3. Девчонка, твой наряд просто потрясающий!
4. Вау, брови Ханны потрясающие!
5. - Что ты сегодня занимался?
- Был дома у Атланты.. Она готовила бургеры... Они были потрясающие!
6. О господи, музыка просто потрясающая!
7. Ты когда-нибудь видел что-нибудь такое же потрясающее?
8. Концерт был определенно потрясающим!
9. Он такой потрясающий.
10. Вечеринка была просто потрясающая!

Основываясь на данные переводы можно сделать вывод, что в каждом из случаев перевода слово "потрясающий" подходит и согласно правилам лексической сочетаемости и согласно эмоциональной шкале.

Подводя итоги, мы хотим еще раз упомянуть, что лишь немногие слова выходят за пределы Сети Интернет. Тот факт, что выражение "on fleek" вот уже год повсеместно употребляется огромным количеством людей, говорит лишь о том, что оно стало одним из топовых, а, значит, что-то в нем привлекает. Пока мы не можем судить, останется ли это слово в обиходе, войдет ли оно в многочисленные словари или же исчезнет так же, как и появилось, лишь спустя пару лет, но точно можно утверждать, что это выражение стоит того, чтобы ему уделили внимание. Русский перевод "потрясающий" мы считаем одним из наиболее приемлемых и практичных вариантов, так как оно выражает высшую степень восхищения, а это именно то, что хотел передать первоисточник.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. English-Welsh Dictionary. William Owen Pughe. 1803
2. Oxford Online dictionary www.oxforddictionaries.com
3. People magazine www.people.com
4. Twitter www.twitter.com
5. Urban Dictionary www.urbandictionary.com

Материал поступил в редакцию 21.12.15.

HISTORY OF ORIGIN, FEATURES OF USE AND TRANSLATION INTO RUSSIAN OF THE NEOLOGISM "ON FLEEK"

A.N. Glushchenko, Student
Kuban State University (Krasnodar), Russia

Abstract. *Words in the World wide web appear as quickly as disappear. However, some of them remain in the active use of users of the Network and, moreover, go beyond the space Internet. The neologism 'on fleek', history of use before appearing in social networks, feature of use in English and variants of translation into Russian is considered in this article.*

Keywords: *Internet lexicon, on fleek, social networks, neologism.*

УДК 811.111

ДЕТЕРМИНОЛОГИЗАЦИЯ ТЕРМИНОВ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Е.В. Ковкина, соискатель кафедры украинского языка
Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина, Украина

***Аннотация.** Статья посвящена анализу процесса детерминологизации терминов криминалистики. Проблемные вопросы касаются особенностей перехода специальных слов из научной сферы употребления в публицистический, разговорный и художественный стили. Выделены стадии детерминологизации на современном этапе развития терминологии криминалистики. Приведены примеры употребления терминов вне криминалистической терминосистемы.*

***Ключевые слова:** термин, дефиниция, терминологическая система криминалистики, детерминологизация, семантическое поле термина.*

Большой толковый словарь современного украинского языка определяет, что детерминологизация – это «социально мотивированное явление миграции терминов за пределы своих терминосистем» [1, с. 289]. Обратим внимание, что выделяется именно социальная мотивировка явления. Следовательно, такие факторы, как мировые глобализационные процессы, стремительное развитие науки и техники и популяризация их результатов являются причинами того, что термины научной сферы меняют область функционирования. Они выходят за пределы терминосистемы, часто употребляются в публицистическом, художественном, со временем – и в разговорном стилях. В результате такие детерминологизированные единицы могут включаться и в литературную языковую систему. Расширяется семантическое поле термина за счет появления у него новых оттенков значения, когда теряется его однозначность и развивается переносное значение. Подвержены указанному процессу как собственно украинские, так и заимствованные из других языков терминоединицы.

Исследуя особенности образования, развития и функционирования терминологической системы криминалистики как части украинской научной терминологии, обращаем внимание на то что, процесс детерминологизации здесь также присущ. Именно для стандартизации тезауруса указанной науки и является актуальным изучение особенностей перехода криминалистических терминов в другие стили речи.

Исследователи украинской терминологии Т.И. Панько, И.М. Кочан, Г.П. Мацюк указывают, что вопрос детерминологизации является дискуссионным. Они придерживаются того мнения, что «миграция терминов – это обычное явление в языке, обусловленное экстралингвистическими факторами – понятие производственно-интеллектуальной жизни усваивается уровнем общенационального сознания, что находит непосредственное отражение в языке» [5, с. 206]. То есть, покидая свою функциональную область, термин выходит из присущего ему семантического поля и образует другое с новыми элементами.

А.В. Суперанская отмечает, что «терминослово существует как термин только до тех пор, пока он неразрывно связан со своим терминопонятием <...>. Как только эта связь нарушается, происходит детерминологизация» [6, с. 135-136].

Мы поддерживаем указанные рассуждения лингвистов, считая, что во время детерминации терминов криминалистической системы происходят изменения семантической структуры специального слова и вхождение их в неспециальные сферы: от научного стиля к публицистическому, художественному и разговорному. Дефиниция определенного термина в зависимости от контекста либо расширяется, либо сужается. Она соотносится уже не только с конкретным криминалистическим понятием, а приобретает черты общего, бытового значения. Довольно часто при этом появляются новые значения, вплоть до возникновения переносного.

Процесс детерминологизации терминов криминалистики происходит в два этапа. Во время первого специальные слова частично теряют свою терминологическую природу. Само понятие остается неизменным, лишь добавляются незначительные смысловые оттенки, которые зависят от контекста, ситуации или личного отношения автора к обсуждаемому событию. Этот этап детерминологизации начинается с частого употребления их в средствах массовой информации. Таким образом,

происходит интеллектуализация публицистического стиля речи, а затем, как следствие, и разговорного.

Например, общеупотребительными сейчас являются криминалистические термины *вбивство, злочин, злочинець, допит, закон, слідчий, розслідування, обшук, відбитки пальців, револьвер, пістолет, світлотишумова граната, петарда, саморобний вибуховий пристрій* (укр.) и другие. Содержание понятий представляется довольно ясным, поэтому в публицистическом стиле почти все они используются уместно; новым штрихом в значениях является их соответствующая эмоционально-экспрессивная окраска, поскольку так авторы статей выражают свое отношение к событиям, о которых рассказывают.

Благодаря сегодняшнему широкому влиянию средств массовой информации, распространение получили и такие заимствованные термины криминалистики, как *експертиза, корупція, тероризм, ідентифікація, криміналістика, кримінальна відповідальність, легалізація* (укр.) и пр.

Например, термины *корупція, тероризм* (укр.) часто употребляются в газетных статьях вместе со словами «беспросветность, несправедливость, безнаказанность, беззащитность, угроза» [3, с. 4], которые имеют яркую эмоциональную окраску. Это влияет и на восприятие читателями: к значению терминоединицы добавляются оттенки негативности, осуждения, негодования. Поэтому указанные термины не только констатируют факт существования названных явлений, но и имеют экспрессивно-негативное наполнение, которое передает мнение автора.

Таким образом, на первом этапе детерминологизации стираются различия между терминологическим и нетерминологическим употреблением слов. Специальные слова криминалистики, проходя эту стадию, в большинстве случаев расширяют своё значение за счёт приобретения эмоционального, экспрессивного наполнения.

Второй этап вхождения терминов криминалистики в общелитературный язык происходит, когда на основе прямого значения терминоединицы образуется переносное, научная дефиниция сводится к минимуму, появляются новые семантические оттенки. Такие случаи порой сложно выявить, поскольку специальную лексику криминалистики даже вне её системы отличает лаконичность, однозначность, точность и четкая соотнесенность с научной сферой. Например, прилагательное *кримінальний* (укр.) в языке науки указывает только на соотнесённость обозначаемого слова с преступлениями или другим обстоятельствами, сопровождающим их. Использование его со словом *відтірки* (укр.) в составе общеупотребительного словосочетания *кримінальні відтірки* (укр.) в газетной статье вызывает у читателя негативные ассоциации, указывающие на наличие преступного характера.

Одним из главных признаков второго этапа детерминологизации является расширение значения термина. В криминалистике наблюдаем случаи, когда термин не меняет полностью свое значение, а становится обобщающим словом, понятием. Так, термин *закон* (укр.) обозначает «установленное высшим органом государственной власти общеобязательное правило; имеет высшую юридическую силу» [1, с. 396]. В криминалистике наблюдаем функционирование и омонимической терминоединицы, которая происходит из криминального арго и обозначает «совокупность обычаев, морали, традиций уголовно-преступной среды, соблюдение которых обязательно для всех членов группировки» [7, с. 88]. В общелитературном языке при детерминологизации обоих терминов постепенно произошло слияние их значений. Как следствие, прослеживаем образование многозначного слова *закон* (укр.). Под ним понимают не только нормативный акт законодательства, которого нужно придерживаться, но также и свод всех допустимых морально-этических норм поведения. К примеру: «Первые лица страны должны показать пример – мы всё сделаем *по закону* (укр.), и все так будут делать» [2, с. 6]; «Да прячутся они зря. Ведь когда поймут, придется отвечать перед *законом* (укр.)» [4, с. 5].

На наш взгляд, словосочетание *відповіdatи перед законом* (укр.) сегодня является фразеологизмом, поскольку воспринимается как неделимое устойчивое выражение с переносным смыслом.

Итак, второй этап детерминологизации характеризуется расширением значения термина, добавлением эмоционально-экспрессивной окраски и постепенным переходом от переносного употребления к переносному значению.

Таким образом, терминологические единицы криминалистической терминосистемы подвержены процессу детерминологизации: они выходят за пределы терминосистемы, часто употребляются в публицистическом и художественном стилях, в разговорной речи. Со временем они становятся общеупотребительными и переходят в литературный язык.

Особенностью детерминологизации криминалистических терминов является тот факт, что их денотативное значение остается неизменным (особенно если это названия конкретных объектов:

вещей, устройств, механизмов и т. д.). Когда же речь идет о специальных словах, которые обозначают криминалистические явления или процессы, то здесь возможна полная детерминологизация с расширением или сужением значения, с переходом от переносного употребления к переносному значению. При этом сам термин может продолжать параллельно использоваться в криминалистической терминологической системе как полноценная научная терминоединица.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Великий тлумачний словник сучасної української мови [Уклад. і гол. ред. В.Т. Бусел]. – К.: Ірпінь, 2009. – 1736 с.
2. Газета «Газета по-українськи» – №14 (1766) від 17.02.2015 – 24 с.
3. Газета «Селянська газета +» – №4 (1164) від 23.01.2015 – 4 с.
4. Газета «Слобідський край» – №13 від 31.01.2015 – 8 с.
5. Панько, Т.І. Українське термінознавство / Т.І. Панько, І.М. Кочан, Г.П. Мацюк. – Львів: Світ, 1994. – 215 с.
6. Суперанская, А.В. Общая терминология. Вопросы теории / А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильева. – М.: Наука, 1989. – 246 с.
7. Шепітько, В.Ю. Криміналістика. Енциклопедичний словник / В.Ю. Шепітько. – Х.: Право, 2001. – 553 с.

Матеріал поступил в редакцію 28.12.15.

DETERMINOLOGIZATION OF CRIMINALISTICS TERMS

E.V. Kovkina, Degree-Seeking Applicant of Department of the Ukrainian language
V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine

***Abstract.** The article is devoted to the process of determinologization terms of criminology. There are issues relating to the special features of the transition of words from the scientific sphere to journalistic, colloquial and artistic styles. Determinologization stages of criminalistics terminology in nowadays are determined. The examples of the terms using in non-criminology term system are given.*

***Keywords:** term, definition, terminological system of criminology, determinologization, semantic field of term.*

УДК 8

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА БЛОГИ «TAVI» И «SHOOROOP» НА ПРЕДМЕТ ДИСКУРСИВНЫХ, РИТОРИЧЕСКИХ И КОГНИТИВНЫХ СХОДСТВ И РАЗЛИЧИЙ

А.Г. Садыкова¹, Д.З. Ярхамова²

¹ доктор филологических наук, профессор, ² ассистент
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия

Аннотация. В приведенной статье будут рассмотрены блог американки Тави Гевинсон «Tavi», русский блог Владислава Владиславского «Shooroop» с позиций риторики (категории логос, этос, пафос), с позиции дискурса (строители пространства), концептуальных метафор (индивидуально-авторские и общеупотребительные) и концептов (выраженные одним словом, словосочетанием, придаточным предложением).

Ключевые слова: логос, этос, пафос, строители пространства, концептуальная метафора.

Дискурс как текст, актуализируемый в определенных условиях, отражает менталитет и культуру как национальную, всеобщую, так и индивидуальную, частную. Среди современных направлений исследования дискурса ученые Кэмерон, Дж. Бэкстер выделяют следующие: анализ разговора, дискурсивный анализ, критический дискурсивный анализ, феминистский постструктуральный дискурсивный анализ.

Блоги «Tavi», «Shooroop» являются яркими примерами направления феминистского постструктурального дискурсивного анализа.

Риторика восходит к источникам, или модусам убедительности: логосу, этосу и пафосу. М.А. Невская трактует логос, этос и пафос как три категории, которые задают ценностные ориентации и нормативные предписания, пронизывают собой все этапы риторического канона. В совокупности они становятся неделимым универсальным актом сознательного созидания речи.

Логос – убеждение посредством апелляции к рассудку, последовательностью доводов, построенных по законам логики.

Этос – убеждение посредством апелляции к признаваемым аудиторией моральным принципам.

Пафос означает возбуждение эмоции или страсти, на базе которой и происходит убеждение [5].

С позиции «логос» оба автора прибегают к использованию метафор следующих тематик: животные, учеба, работа.

«When unfed they are little shrunken leaves with wanting yellow eyes of an unknown beasts. You are not a cruel heartless machine to let them be hungry, are you?»

«Either you go to college and become a part of this magnificent busy world when you will graduate it, or you become a pole dancer with the whole world being a bee stinging you all the time because you are a looser».

«Не откладывай на завтра то, что можно не делать сегодня. Я никогда не уклоняюсь от этого правила. Работа ведь это волк, который может в любой момент убежать в лес.»

Категория «этос»

Метафоры со значением: дружба, поддержка

«В последнее время я перестал верить в дружбу, ведь все друзья приходят к тебе, только тогда, когда им что-то от тебя надо. Эти клопы только о себе и думают».

В рамках категории «поддержка» стала популярна акция Ice Bucket Challenge:

«The enormous support for the Icebucket challenge is picking up speed»

Категория «пафос»

С позиции пафоса были обнаружены следующие тематики использования метафор: насилие, боль, принуждение

В речи Авиталь Зайслер пафос не является отрицательной риторической характеристикой. Используя эмоциональный подтекст, она призывает женщин бороться за свои права и не давать страху перед насильником победить себя: «I was either going to lose myself and hide under my covers forever or I was going to face my fear».

Тема насилия находит свое отражение как в блоге имени «Tavi», так и в блоге имени «Shooroop».

«My first boyfriend was very abusive to me. He did things that drew me into deep depression. After meeting some girls who have undergone the same thing I agreed with the idea that these *pigs can not rape girls* on their desires and we founded the society “You can’t rape the Goddess”, which is supposed to help girls after this and lift up their spirits psychologically».

В блоге имени «Shoogoор», темы боли, насилия, принуждения освящаются с другой стороны. Напротив, с позиции мужчины он оценивает женщин больше как вещь, с которой можно поиграть: «Ну мне очень хотелось принудить ее. А ради чего еще такие *ципы* создаются. *Женщина* – это всего лишь *сосуд* для семени мужчины.»

Восприятие действительности на универсальном уровне осуществляется посредством ментальных моделей, которые являются хранилищем опыта и знаний человечества. Ментальные пространства создаются посредством «строителей» пространства (spacebuilders), которые участвуют в построении новых пространств дискурса или отсылают к уже существующим в нем пространствам. Примерами «строителей» Е.С. Кубрякова и О.В. Александрова называют наречия, предложные конструкции, различные частицы [6].

В блоге им. «Tavi» не выявлено отличительно большого количества частиц, кроме той, которая образует стандартные предикатные связки (to) и родительный падеж (of).

Блог им. «Shoogoор» изобилует примерами ментальных строителей пространства, особенно частиц: 1) по разряду: формообразующих (пусть, пускай, давайте, да, давай, бы, б, бывало), модальных вопросительных (ли, неужели, разве), уточняющих (именно, как раз, прямо, точь-в-точь); выделительных и ограничительных (только, лишь, исключительно, почти что, единственно); восклицательных (что за, как); усилительных (даже, ни, же, ведь, уж, все-таки, все); 2) по классификации по происхождению первообразных (де, неужели, ишь), что подчеркивает стремление автора к просторечию; 3) по классификации по составу: простые (благо, вовсе, положительно, просто, прямо, ровно). Наблюдается использование «технических» метафор по отношению к человеку и его работе: так, человек на своем посту уподоблялся мотору, работающему на предельных оборотах, ср. также подключиться, с полной нагрузкой, хорошо отлаженное управление. «Это не человек - а машина!» - блог им. «Shoogoор».

Наблюдения показывают, что «Tavi» избегает сильных метафорических образов, которые могут вызвать неоднозначные оценки:

«When you go through these changes, is it tempting to throw away the past altogether? How do you know which pieces of your former self to hold onto?» в то время как «Shoogoор» наоборот использует в своем блоге сильные метафорические образы, которые могут не только вызвать неоднозначную реакцию читателя, но и негодование: «*Женщина – это сосуд* для семени мужчины».

В когнитивной лингвистике термин «концептуальная метафора» или «когнитивная метафора» обозначает представление одной идеи, или концептуальной области, в терминах другой [3].

Концептуальные метафоры, используемые в блогах, можно разделить на две группы: общеупотребительные и индивидуально-авторские. Блогер «Shoogoор» использует как общеупотребительные метафоры, так и метафоры собственного сочинения: «Вхожу на кухню, а там *гора немытой посуды*» (общеупотребительный), «*Текст просто сплошной простыней*, мешающий читать нормально Вашу мысль» (окациональная). Блогер «Tavi» в основном использует собственные метафоры «Does it show that *I am an unemotional snowflake?*»

Как считается, концептуальные метафоры можно рассматривать с трех позиций: концепты, представленные одним словом, представленные словосочетаниями, представленные предложениями. Приведем примеры:

Концепт «мудрость», представленный словосочетанием

«I was the youngest in my entire family, and I always felt like it was a disservice to humanity that there wasn’t someone after me onto whom I could *dispel my pearls of wisdom*».

Согласно классификации концептов, предложенных в работах Кубряковой, Масловой В.А. для русской культуры характерны такие виды стереотипных концептов как «авось», «успеется», «хитрый человек, плутовством добивающийся своей цели», в отношении семьи и родственных связей – авторитарность отца и старших членов [4, с. 135]. Для англоязычной культуры стереотипными концептами является «сдержанность», «готовность помочь младшим»: «*I was the youngest in my entire family, and I always felt like it was a disservice to humanity that there wasn’t someone after me onto whom I could dispel my pearls of wisdom*»

Концепт «боль», представленный придаточным предложением

«She got it, how I felt on the inside, *the pain that clawed at my lungs and punched at my ribs*».

В трудах отечественных и зарубежных лингвистов также неоднократно отмечалось, что с недавнего времени в связи с ситуацией на Украине в языке молодежных русскоязычных блогов проскальзывают «политические метафоры». Язык блога «Rockiegirl» тому яркое подтверждение: Ситуация на Украине представляется через понятийную сферу гверилья. Считается, что концепты – стереотипы о нации меняются со временем: «*Один украинец – разбойник. Два украинца - партизанский отряд. Три украинца - партизанский отряд и предатель*».

Засилье политической метафоры в молодежных блогах об Украине свидетельствует о милитаризации сознания киевской молодежи, что вообще характерно для современного украинского общества, ср.: «В Киеве царит хаос. *Киевляне – бандеровцы и ненавидят русских*».

Блогер «Shoogoop» тоже не оставил концепт «война» без внимания, но приобщил его в концепту «человек»:

«Я ненавижу людей, которые говорят об этой чертовой войне. Они кажутся мне ограниченными. *Такие люди – пятая колонна*»

В результате исследования приведенных блогов можно сделать следующие **выводы**:

1. Касательно риторики авторы пишут с позиции «логос» в тематиках: животные, учеба, работа; «этос» – дружба, поддержка; «пафос» – насилие, боль, принуждение.

2. Характер феминистского постструктурального дискурсивного анализа оба автора выражают по-разному: Тави Гевинсон пишет о правах и свободах женщин, Владислав Владиславский продвигает идею зависимости и подчинения женщин мужчинам.

3. Строители пространства преобладают в блоге «Shoogoop», так как автор предпочитает выражать свои мысли фамильярно, эмоционально и временами оскорбительно. Блог им. «Shoogoop» изобилует примерами ментальных строителей пространства, особенно частиц: формообразующих, модальных вопросительных, уточняющих, выделительных и ограничительных, восклицательных, усилительных; первообразных, что подчеркивает стремление автора к просторечию; простых.

4. Оба автора используют как индивидуально-авторские концептуальные метафоры, так и общеупотребительные, с различием лишь в том, что скрытые сравнения, сделанные Тави Гевинсон, носят более деликатный характер, чем блогера Владислава Владиславского, что доказывает прямолинейность, характерную для мужского слога.

5. В обоих блогах преобладают концепты, представленные словосочетаниями и придаточными предложениями, что доказывает стремление блогеров писать пространно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блог Tavi Gevinson [Электронный ресурс] <http://www.thestylerookie.com/>
2. Блог Шуруп Владичка [Электронный ресурс] <http://shooroop.com/>
3. Википедия [Электронный ресурс] <http://translatedby.com/you/conceptual-metaphor/into-ru/trans/?page=1>
4. Маслова, В. А. «Когнитивная лингвистика» учебное пособие / В. А. Маслова. – Минск 2004.
5. Невская, М. «Риторика. Шпаргалки» [Электронный ресурс] / М. Невская. – <http://www.e-reading.club/book.php?book=79283>
6. Темнова, Е. В. «Современные подходы к изучению дискурса» Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Е. В. Темнова / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2004

Материал поступил в редакцию 02.12.15.

ANALYZE OF BLOGS "TAVI" AND "SHOOROOP" IN ORDER TO DISCURSIVE, RHETORICAL AND COGNITIVE SIMILARITIES AND DISTINCTIONS

A.G. Sadykova¹, D.Z. Yarkhamova²

¹ Doctor of Philology, Professor, ² Assistant
Kazan (Volga) Federal University, Russia

Abstract. The blog "Tavi" of American Tavi Gevinson, the Russian blog "Shooroop" of Vladislav Vladislavsky from rhetoric positions (category Lagos, ethos, pathos), from discourse position (builders of space), conceptual metaphors (individual and author's and common) and the concepts (expressed in a word, phrase, subordinate clause) are considered in the article.

Keywords: Lagos, ethos, pathos, builders of space, conceptual metaphor.

УДК 1751

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СТАРОФРАНЦУЗСКОГО ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО CLERE

Н.И. Тарасова, аспирант

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия

Аннотация. В данной статье на примере старофранцузской лексики *clere* рассматриваются особенности семантики абстрактных прилагательных на раннем периоде развития языка. На основании анализа тематических контекстов употребление лексики *clere* в качестве функционально-семантического эквивалента оценочных прилагательных рассматривается в качестве механизма изменения семантической структуры прилагательного.

Ключевые слова: семантика, историческое исследование, эстетическая оценка, лингвокультурная картина мира, западноевропейские языки.

Степень абстрактности лексики связана с отдаленностью объекта от субъекта. Лексемы, значение которых в большей степени конкретно, характеризуются большей «обозримостью» объекта, что означает, что в процессе его восприятия непосредственно задействованы органы чувств человека. Значение абстрактных лексем в большей степени зависит от того, какой смысл в них вкладывает сам говорящий. Абстрактные слова можно назвать «контейнерами смысла, откуда каждый может взять столько, сколько туда положит» [Чернейко 1997: 200].

На раннем этапе развития языков особенностью семантики абстрактных имен является диффузность – широкозначность, нерасчлененность значений. Наличие семантического синкретизма в языке является отражением особенностей архаического мировосприятия. Древние слова, как отмечает М.И. Стеблин-Каменский, представляли собой «символы, приспособленные для выражения чего-то в сознании человека далекой от нас эпохи, сознании, совсем не похожем на наше» [Стеблин-Каменский 1971: 7]. По наблюдениям С.Д. Кацнельсона, полисемантизм позднейших эпох отличается от диффузности раннего времени [Кацнельсон 1940: 105].

Исследование письменных памятников западноевропейских средневековых языков показало, что диффузность значения древних прилагательных проявляется в слиянии дескриптивного и оценочного компонентов. Данное утверждение находит отражение в функционально-семантической эволюции старофранцузского прилагательного *clere* (совр. франц. *clair* «светлый»). По данным этимологического словаря, самые ранние случаи употребления прилагательного *clere* зафиксированы в письменных памятниках XI века, где данная лексема реализует значение *яркий (по степени насыщенности цвета)*. Первостепенность этого значения объясняется тем, что для средневекового человека было важнее присутствие или отсутствие света в зрительно воспринимаемой им действительности, а не хроматическая принадлежность окружающих предметов [Тарасова 2015: 175]. В старофранцузский период дифференциальным признаком в системе цветообозначений являлась противопоставленность по светности (яркости) [Бородина, Гак 1979: 133]. Эта особенность была унаследована из латинского языка, где существовало четкое противопоставление цветов по принципу светности (*color satur* – *color clarus*) [Солопов 2011: 69]. Значение интенсивности признака, присущее в старофранцузский период лексеме *clere*, реализуется, с одной стороны, в таких словосочетаниях, как *une clere lumiere* (*яркий свет*).

Во второй половине XII века прилагательное *clere* начинает употребляться в контекстах со значением положительной оценки. В отличие от дескриптивного компонента, оценочный компонент значения связан не с видимым, а с умопостигаемым миром, его коннотативная часть в значительной мере индивидуализирована и зависит во многом от личности носителя языка, от его социального статуса [Чернейко 1997: 114]. В зависимости от объекта оценки, прилагательное *clere* может реализовывать оценочные значения различного типа. Значение положительной оценки лексема приобретает в контекстах, где в качестве объекта оценки выступают погодные условия, явления природы: *par temps cler* (*хорошая погода*), *celle nuit estoit clere* (*была ясная ночь*) *le cler jour* (*светлый, ясный день*) *comme les estoiles raidient plus cler que chandoiles* (*звезды светят ярко*). Хорошая погода – это, прежде всего,

ясное, безоблачное, чистое небо. Чистота, ясность и отсутствие лишнего лежат в основе положительное оцениваемого признака, выражаемого прилагательным *clere* (как во фразе *prendre un vaissel virginal pur et clere*, где прилагательное *clere* является функционально-семантическим эквивалентом прилагательного *pur* «чистый»). Примерно с XIII века чистота как оценочная характеристика чувственно воспринимаемых сущностей (цвет, свет, звук) в процессе дальнейшего абстрагирования метафорически осмысливается как положительная оценочная характеристика внутренних качеств человека. В частности, речь идет о способности мыслить ясно - *avoir raison clere* (иметь здравый, чистый рассудок). Отсюда выражение *c'est clere à voir* (это легко понять, «увидеть») и тенденция употребления прилагательного *clere* в паре с прилагательным *evident* – очевидный (*pour leur grant profit clere et evident*). Лексема *clere* также могла служить средством языковой реализации положительной морально-этической оценки – *mourir pour son pays repute ge chose clere et honneste* (умереть за свою страну – благородное дело).

Чистота, сияние, наполненность светом лежали в основе средневековых представлений о красоте. В контекстах, где речь идет о внешнем облике человека, прилагательное *clere* является функционально-семантическим эквивалентом ядерной лексемы положительной эстетической оценки *bel/biaus* (совр. франц. *beau* «красивый»): *son clere vis blanc et bel, sa belle vois clere et seinne*.

Лексеме *clere* можно отнести к разряду светообозначений. отождествление красоты и света предшествует появлению элементов цветообозначения в контекстах, характеризующихся наличием эстетической оценки. Цвет имеет двойственную природу, основывающуюся на соотношении «светлоты» и «цветности» (цветового качества). Особенностью зрительного восприятия человека является первичность светоразличительной функции по сравнению с цветоразличительной. В связи с этим в средневековых литературных источниках наблюдается отсутствие четких разграничений между понятиями света и цвета.

La face avoit clere et moult belle

Et la coulour fresche et nouvelle

В данном отрывке в семантической структуре прилагательного *clere* доминирующей является сема «светлый». Красивое, светлое лицо, о котором идет речь в приведенном отрывке, имеет «свежий, новый цвет» (*la coulour fresche et nouvelle*).

Представляется возможным предположить, что употребление прилагательного *clere* в качестве средства выражения положительной эстетической оценки способствовало появлению женского имени *Claire* (эквиваленты в других европейских языках: *Chiara* (итал.), *Clare* (англ.), *Clara* (португ., исп.), *Klara* (нем.).

Таким образом, в первых зафиксированных контекстах употребления старофранцузская лексема *clere* выполняла роль светообозначения. Однако на рубеже XII-XIII веков происходит расширение функций прилагательного, оно начинает активно употребляться в качестве средства выражения морально-этической и эстетической оценки. Данное явление объясняется тем, что на раннем этапе развития языка морально-этическая оценка была неотделима от эстетической и система оценочных средств долгое время оставалась нерасчлененной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бородина, М.А. К типологии и методике историко-семантических исследований / М.А. Бородина, В. Г. Гак. – Ленинград: Наука, 1979.
2. Кацнельсон, С.Д. Прогресс языка в концепциях индоевропеистики / С.Д. Кацнельсон. – ИЛЯ. 1940, No 3.
3. Стеблин-Каменский, М.И. Мир саги / М.И. Стеблин-Каменский. – Л., 1971.
4. Солопов, А.И. Цветообозначения в латинском языке // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ / А.И. Солопов. – Отв. ред. А.П. Василевич. Изд. 2-е. М.: КомКнига, 2011. – С. 66-77.
5. Тарасова, Н.И. Свет и цвет как средства выражения эстетической оценки (на материале западноевропейских языков XII-XV вв.) / Н.И. Тарасова // Личность – Язык – Культура: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции 26-28 ноября 2014 г. – Саратов: ООО Издательский Центр «Наука», 2015. – С. 173-179.
6. Чернейко, Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени / Л. О. Чернейко. – М., 1997.
7. Picoche, J. Dictionnaire Etymologique du Francais / Picoche, J. – Les usuels du Robert, 1994. – 739 p.

Материал поступил в редакцию 11.01.16.

**FUNCTIONAL-SEMANTIC FEATURES
OF DEVELOPMENT OF OLD FRENCH ADJECTIVE “CLERE”**

N.I. Tarasova, Postraduate Student
Saratov State University, Russia

***Abstract.** In this article on the example of the Old French lexeme “clere” the features of abstract adjectives semantics at the early stage of language development are considered. On the basis of the analysis of thematic contexts the usage of “clere” as a functional and semantic equivalent of evaluation adjectives is considered as the mechanism of adjective semantic structure change.*

***Keywords:** semantics, historical research, esthetic assessment, linguo-cultural worldview, West European languages.*

УДК 392.48: 81'1

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ КОННОТАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ДЛЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ ОТКАЗА СВАТАМ (НА МАТЕРИАЛЕ УКРАИНСКИХ ВОСТОЧНОСЛОБОЖАНСКИХ И СТЕПНЫХ ГОВОРОВ)

Т.А. Дьякова, кандидат филологических наук, доцент

Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского, ЛНР

***Аннотация.** Работа посвящена обрядной фразеологии досвадебного цикла обрядов этапа сватовства. Проанализированы фразеологические единицы для обозначения отказа сватам. Объектом исследования стала фразеология украинских восточнослобожанских и степных говоров, предметом – этнокультурная коннотация фразеологизмов для обозначения отказа сватам. Цель исследования – изучить истоки национально-культурной коннотации и способы ее реализации во фразеологизмах для обозначения отказа сватам. Анализ проведен с привлечением сведений о названном этапе досвадебных церемоний в других украинских говорах, а также отдельных славянских языках и их диалектах.*

***Ключевые слова:** этнокультура, фразеологизм, коннотация, обряд, сватовство, символ.*

Высказывания, которые появились как результат фразеологической вербализации определенных обрядовых действий свадебного цикла торжеств, выступают важным компонентом фразеологической репрезентации языковой картины мира.

В разное время изучением свадебной обрядности украинских восточнослобожанских и степных говоров и ее фразеологического фонда занимались В. Бабенко [2], В. Борисенко [4; 5], Г. Калиновский [10], В. Иванов [9], И. Магрицка [13; 14], О. Плетнева [17; 18], В. Ужченко [21; 22].

В работе будем пользоваться терминами диалект, диалектная речь, говор, ареальная речь как семантическими синонимами в стилистических целях, для этого же оперируем понятиями фразеологизм, фразеологическая единица, фразема, идиома, фразеологическое выражение, выражение, рассматривая их как синонимы в рамках работы.

Традиционная украинская свадьба, как и у других славянских народов, состоит из трех циклов обрядов: досвадебного (предсвадебного), собственно-свадебного (свадебного), послесвадебного, во время которых происходит обрядовый переход от старых семейных и социальных отношений к новым (В. Борисенко, Д. Зеленин). Тремя составляющими свадебного действия исследователи называют также сватовство, помолвку, свадьбу, считая каждый из этих этапов повторением одних и тех же ритуальных действий, постепенно развивающихся и усложняющихся (Ф. Вовк).

Среди досвадебных обрядов, которые в значительной степени сохраняют код «ролевого» поведения, является сватовство. В зависимости от этапов и результатов этого обряда выделяют выражения на обозначение собственно сватовства, удачного сватовства и отказа во время сватовства. Рассмотрим фразеологические единицы (ФЕ) для обозначения отказа сватам.

В случае несогласия на брак сваты получали соответствующий «подарок». Чаще всего в восточнослобожанском и степном ареале им была *тыква*, итак, *виносити гарбуза*, досл. выносить тыкву 'отказывать сватам': *Було й таке, правда, рідко, що дівка виносила гарбуза, як не хотіла за цього хлопця заміж, ну зараз так не роблють, бо спочатку договарюються, щоб не позориться* (Было и такое, правда, редко, что девка выносила тыкву, если не хотела за этого парня замуж, но сейчас так не делают, потому что сначала договариваются, чтобы не позориться); *давати гарбуза*, досл. давать тыкву 'т с', *получити гарбуза*, досл. получить тыкву 'получить отказ при сватанье', *іти з гарбузом*, досл. пойти с тыквой 'т с'.

«Тыквенные» фразеологизмы, записанные на Слобожанщине, содержит сборник Номиса (перв. изд. 1864 г. – Т. Д.): *гарбуза дати (ззісти, втяти)* (тыкву дать, съесть, получить), *взяв гарбуза* (взял тыкву), *піднесли печеного гарбуза* (поднести печеную тыкву), *йому гарбуза дали* (ему тыкву дали), *коли б вам гарбуз не покотився* (как бы вам тыква не покотилась) [24, № 8976].

Фраземы с компонентом *гарбуз* (тыква) распространены и в других говорах, ср.: цел. *дати гарбуз (-а)* (дать тыкву), *піднести гарбуз(-а)* (поднести тыкву), *получити [печеного] гарбуза* (получить печеную тыкву) [18, с. 68], вст. *гарбуза дати* (тыкву дать), *піднести гарбуза* (поднести тыкву), *підсунути гарбуза* (подсунуть тыкву), *вийти з гарбузом* (выйти с тыквой), *получити гарбуза, одержати гарбуза* (получить тыкву) [15, с. 104 – 105], ннад. *дати гарбуза* (дать тыкву), *отримати гарбуза* (получить тыкву) [8, с. 132], зволын. *облупіти гарбуза́* (получить тыкву) [1, с. 84], рус. пск. *получить гарбуз* [20, с. 24], рус. дон. *поднести гарбуз* [3, с. 103], бел. *даваць (даць) гарбуз'* [11, с. 91].

Значительная вариантность подобных ФЕ в украинских говорах свидетельствует о том, что они иррадиировали в говоры других языков именно из украинских.

Тыква – традиционный символ отказа, некоторые исследователи связывают это с фармакологическим действием растения: тыквенные блюда успокаивающе воздействуют на организм, сдерживают половое влечение. Юноша, которому судилась *тыква*, должен угоститься ей, вследствие чего терял интерес к девушке [7, с. 431]. Другие исследователи связывают использование *тыквы* в обряде сватовства с восприятием ее как символа деторождения. Наполненная семенами тыква осмысливается на основе метафорического уподобления по форме и содержанию как материнское чрево (В. Пропп, В. Коваль). По мнению А. Аксамитова, внутренняя форма фраземы *дать тыкву* может быть восстановлена или через восприятие тыквы как чего-то малоценного, такого, что не заслуживает внимания, или с учетом актуализации ее круглой формы (сватам желают катиться, как тыква) [11, с. 96]. И. Магрицка считает, что «главной причиной введения растения в обряд сватовства был его большой размер и яркий цвет, которые делали невозможным сокрытие факта отказа» [13, с. 184]. В любом случае *тыква* является негативно осмысливаемым культурным символом, ярким показателем этнической идентичности. Источники такого видения соотносятся еще и с негативными представлениями о пустом предмете.

Кроме *тыквы*, отказ от брака символизируют другие предметы, блюда. В восточнослобожанских говорах бытуют идиомы *прив'язати (дати, вручити) чайник*, досл. привязать (дать, вручить) чайник 'отказать во время сватовства', *піднести макітру*, досл. поднести макитру 'т с', *піднести печеного рака*, досл. поднести печеного рака 'т с', *чайник на стіл поставити*, досл. чайник на стол поставить 'т с', *заторохтіти чайником*, досл. загреметь чайником 'т с', *чайник дзвентить*, досл. чайник звенит 'т с' [23]. Фраземы с лексемой чайник, возможно, заимствованы из русских донских говоров: в населенных пунктах ареала, смежного с рассматриваемым, распространены ФЕ *чайник, прищипити (привесити) чайник, привешивать чайник, чайник выставити*, а внутренняя форма указанных выражений также связана с негативными представлениями о пустом предмете.

Со временем традиции изменились, соответственно произошла и трансформация фразеологизмов, появились более современные фразеологические выражения, передающие значение 'получить отказ при сватовстве': *показати рогача*, досл. показать ухват, *спіймати горобця*, досл. поймать воробья. Отказ при сватовстве закреплен в выражениях как других украинских говоров, так и европейских языков: цел. *нахапатися солі*, досл. нахвататься соли, *принести повні кармани солі*, досл. принести полные карманы соли [18, с. 68], гуц. *дати бабце*, досл. дать бабце (*бабце* – 'бычок-головань', которого по давнему обычаю подавала на стол девушка, отказывая парню при сватовстве) [16, с. 13], лемк. *дати копáчки*, досл. дать лопаты, *помый дати кому*, досл. помоев дать, *вказати хвуст*, досл. показать хвост [6, с. 71, 106, 137], бел. диал. *бараду навесіць* [12, с. 19], *атрымаў з гарохвін вянок* [11, с. 92 – 93], рус. пск. *дать головешку* [20, с. 30], болг. *давам трънката*, досл. 'дать терновник', с.-х. *dobiri šipak*, досл. 'получить крыжовник', пол. *odebrać grochowy wieniec*, досл. 'получить гороховый венок' [19, с. 31].

Итак, этнофраземы содержат унаследованные коммуникантами каноны свадебных церемоний, став результатом жизненного опыта многих поколений. Национально-культурная коннотация связана с архаическими мифологическими представлениями, обычаями, ритуалами. Традиционными символами отказа при сватовстве зачастую являются растения, блюда с негативно оцениваемыми вкусовыми качествами, предметы, которые ассоциируются с физическим воздействием или имеют символику пустоты, бесполезности.

Условные сокращения

Бел. – белорусское, болг. – болгарское, вст. – восточностепное, гуц. – гуцульське, диал. – диалектне, дон. – донське, зволин. – западноволинське, лемк. – лемковське, нем. – немецьке, ннад. – нижненаддніпровське, пол. – польське, пск. – псковське, рус. – русьське, с.-х. – сербсько-хорватське, цсл. – центральнослобожанське.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Аркушин, Г. Сказав, як два зв'язав: народні вислови та загадки із Західного Полісся та західної частини Волині / Г. Аркушин. – Люблін; Луцьк, 2003. – 177 с.
2. Бабенко, В. А. Етнографічний очерк народного быта Екатеринославського краю / В. А. Бабенко. – Екатеринославль: Тип. губерн. земства, 1905. – 102 с.
3. Большой толковый словарь донского казачества / Ростов. гос. ун-т.; фак. филологии и журналистики; каф. общ. и сравнит. языкознания. М.: Рус. словари: Астрель: АСТ, 2003. 608 с.
4. Борисенко, В. К. Весільні звичаї та обряди на Україні / В. К. Борисенко. – К.: Наук. думка, 1988. – 188 с.
5. Борисенко, В. К. Нова весільна обрядовість (на матеріалі південно-східних районів України) / В. К. Борисенко. – К.: Наук. думка, 1979. 121 с.
6. Вархол, Н. Фразеологічний словник лемківських говірок Східної Словаччини / Н. Вархол, А. Івченко. – Братислава: Словац. пед. вид-во, 1990. 160 с.
7. Войтович, В. Українська міфологія / В. Войтович. – К.: Либідь, 2002. – 664 с.
8. Грица, Т. Г. Матеріали до фразеологічного словника Гуляйпільського району Запорізької області // Фразеологія говорів Гуляйпільського району Запорізької області: дис. ... канд. філол. наук: 10.02.01 / Т. Г. Грица. – Харків, 1996. С. 121 – 181.
9. Жизнь и творчество крестьян Харьковской губернии: очерки по этнографии края / под ред. В. В. Иванова. Х., 1898. Т. I. 1008 с.
10. Калиновський, Г. Опис весільних українських простонародних обрядів / Г. Калиновський // Весілля: у 2 кн. / упорядкув. текстів, прим. М. М. Шубравської. – К.: Наук. думка, 1970. Кн. 1. – С. 67 – 74.
11. Коваль, В. И. Восточнославянская этнофразеология: деривация, семантика, происхождение / В. И. Коваль. – Гомель: ИММС НАНБ, 1998. 231 с.
12. Лепешаў, І. Я. З народнай фразеологіі: дыференц. Слоўнік / І. Я. Лепешаў. – Мінськ: Выш. шк., 1991. – 110 с.
13. Магрицька, І. В. Семантична структура і культурна мотивація весільних фразеологізмів у східно-слобожанських говірках / І. В. Магрицька // Діалектологічні студії 2 / відп. ред. П. Гриценко, Н. Хобзей. Львів, 2003. – С. 182 – 193.
14. Магрицька, І. Словник весільної лексики українських східно-слобожанських говірок (Луганська область) / І. Магрицька. – Луганськ: Знання, 2003. – 172 с.
15. Матеріали до словника східностепових українських говірок // Східностепові українські говірки: наук.-навч. посіб. / за заг. ред. А. Загнітка. Донецьк, 1998. С. 81 – 114.
16. Олійник, М. Я. Фразеологія гуцульських говірок: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук.: спец. 10.02.01 «Українська мова» / М. Я. Олійник. – Львів, 2002. – 20 с.
17. Плетнева, О. Л. Центрально- та східно-слобожанська фразеологія на позначення одруження / О. Л. Плетнева // Лінгвістика: зб. наук. пр. Луганськ, 2007. № 1. С. 105 – 114.
18. Плетнева, О. Л. Центрально- та східно-слобожанська фразеологія обрядів сватання / О. Л. Плетнева // Лінгвістика: зб. наук. пр. Луганськ, 2006. № 2. С. 64 – 73.
19. Пупенко, Л. М. Польська весільна лексика та фразеологія / Л. М. Пупенко // Мовознавство. 1999. № 4/5. – С. 21 – 33.
20. Словарь псковских пословиц и поговорок / сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – СПб.: Норинт, 2001. 176 с.
21. Ужченко, В. Весільні фразеологізми / В. Ужченко // Укр. мова і л-ра в шк. 1991. – № 5. – С. 86 – 88.
22. Ужченко, В. Піч як компонент фразеологізмів у контексті етнокультурних концептів / В. Ужченко, Т. Маркотенко // Вісн. Луган. держ. пед. ун-ту імені Тараса Шевченка. – 2000. – № 9. – С. 122 – 128.
23. Ужченко, В. Д. Фразеологічний словник східно-слобожанських і степових говірок Донбасу. 4-е вид. / В. Д. Ужченко, Д. В. Ужченко. – Луганськ: Альма-матер, 2002. – 263 с.
24. Українські приказки, прислів'я і таке інше. Уклав М. Номис / упорядкув., прим. та вступ. ст. М. М. Пазяка. – К.: Либідь, 2004. – 352 с.

Матеріал посту́пил в редакцію 11.12.15.

**ETHNOCULTURAL CONNOTATION OF PHRASEOLOGICAL
UNITS FOR REFUSAL TO MATCHMAKERS (ON THE MATERIAL
OF UKRAINIAN EAST SLOBODA AND STEPPE DIALECTS)**

T.A. Dyakova, Candidate of Philology, Associate Professor
Luhansk State Academy of Culture and Arts named after M. Matusovsky, LPR

***Abstract.** The article is devoted to ritual phraseology of before wedding cycle of ceremonies of marriage brokerage stage. Phraseological units for refusal designation to marriage brokers are analyzed. The phraseology of Ukrainian east Slobozhanska and steppe dialects is the object of research; the subject is ethnocultural connotation of phraseological units for refusal designation to marriage brokers. The research objective is to study the sources of national and cultural connotation and ways of its realization in phraseological units for refusal designation to marriage brokers. The analysis is carried out with attraction of data about the stage of the before wedding ceremonies in other Ukrainian dialects, and also separate Slavic languages and dialects.*

***Keywords:** ethnoculture, phraseological unit, connotation, ceremony, marriage brokerage, symbol.*

УДК 81

**ПРОЦЕСС АДАПТАЦИИ РУССКИХ
ИКОНОНИМОВ В ИНОЯЗЫЧНОЙ СРЕДЕ (НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК)**

В.Я. Волкова¹, И.И. Храпченкова²

¹ старший преподаватель, ² кандидат филологических наук, доцент
Псковский государственный университет (ПсковГУ), Россия

***Аннотация.** Основная часть транслатов, связанных с переводом библейских текстов, имеет адекватное соответствие в русском и немецком языках. Приведенные в статье транслаты курсируют в безэквивалентном поле. Перевод безэквивалентных единиц осуществляется различными способами: транслитерация, калькирование, применение языка-посредника (латинского или греческого), поддерживающий или описательный перевод. Возникает, однако, проблема вариативности транслатов. В предложенном списке мы выделяем наиболее удачный с нашей точки зрения транслат.*

***Ключевые слова:** икононим, транслат, вариативность, транслитерация, калькирование, язык-посредник.*

Традиционная культура России на протяжении достаточно длительного периода времени была предметом изучения не только историков, искусствоведов, культурологов, философов, но и религиозных мыслителей и богословов. И одним из аспектов изучения традиционной русской культуры является икона. Икона – это часть христианского мира, она притягивает к себе внимание людей разных взглядов и вероисповеданий. Икона отличается от западной религиозной живописи тем, что она – не портрет и не картина. В иконе нет ничего мирского и телесного, ее отвлеченные образы являют тайну невидимого. На иконе пишутся не лица, а «лики», черты их нереальны, глубокий взгляд расширенных глаз придает лику выражение строгого, благого покоя и безболезненной печали, далекой от мирской суеты. Икона прибыла на Русь уже догматически сложившимся творением как по своему духовно-религиозному содержанию, так и по художественному письму. Икона не может быть домыслом личных религиозных воззрений художника и быть основана на Священном Писании, Священном Предании и источниках, одобренных церковью. В иконе воплотились особенности православного вероучения.

Русская икона, являясь сакральным компонентом православного вероучения, несет в себе еще и дополнительную нагрузку: способствует осмыслению человеком мира, формирует концептосферу русского языкового сознания. Икона принадлежит к исконному для православного вероучения источнику прецедентных феноменов, ее можно рассматривать как невербальный текст русской культуры. Анализируя место иконы в русской культуре, Бугаева И.В. говорит о том, что центральные идеи древнерусской культуры мы находим именно в иконах. Номинации икон (икононимы) позволяют расширить корпус прецедентных феноменов и принадлежат к сакральному ономастикону, в котором автор выделяет теонимы, агеоантропонимы, агеотопонимы, икононимы, экклезионимы и эортонимы, т.е. имена собственные, которые составляют ономастическое пространство, объединенное значением святости.

XXI век характеризуется постоянным нарастанием объема межкультурного общения, что в свою очередь предполагает освоение православного компонента русской картины мира носителями других языков. Проявление расширенного интереса к сопредельным культурам приводит в переводологии как к освоению всё новых компонентов пласта культуронимов (безэквивалентных транслатов), так и к появлению разнообразных способов перевода этих лексических единиц. Последнее явление активизирует в свою очередь такое негативное явление как вариативность переводов.

При переводе названий икон на германские языки необходимо помнить, что общность вероучений христианских конфессий только создает основу для возможного перевода названия иконы на иностранный язык. Но при этом необходимо избегать, по мнению Дудченко Л.Ю., «ошибочного семантического переноса (трансфера), при котором значение западно-христианского понятия переносится на православное, приводя к искажению православного компонента в англоязычном варианте, и, как следствие, к семантической неопределенности («амбигуации»)).»

В процессе исторического развития христианских конфессий произошли различия в толковании церковных догматов, канонов, обрядов, что естественно закрепилось в системе языка. Понимая значение слова как структуру значений, Дудченко Л.Ю. говорит о том, что в значениях православных лексических единиц имеется компонент, передающий смысл православного явления. Православный компонент закреплен лексическими единицами русского языка, передающими отличия православного вероучения от западноевропейских. Для того чтобы избежать ошибок в сложных случаях, необходимо определить православный компонент в названии иконы и точно передать его содержание при наименовании на иностранном языке, используя канонические христианские соответствия или предлагая описательный перевод с сохранением религиозного стиля.

Выбор номинации при переводе икононимов обусловлен двумя факторами. С одной стороны, достижением номинативной точности, что позволяет достаточно широко использовать заимствования. С другой стороны, ориентируясь на потенциального адресата, ведущим может стать фактор доступности, что позволяет использовать такие способы перевода икононимов как калькирование, гибридные образования, межкультурные аналоги, использование комплексной номинации (параллельного подключения).

В данной статье предлагается краткий список православной лексики с подачей максимального количества вариантов перевода одного и того же икононима. Делается попытка выделить наиболее приемлемый вариант с той целью, чтобы способствовать формированию устойчивого однозначного транслата со всеми признаками термина. В нашем случае это приводит к формированию ономастической единицы.

Привлечение языка-посредника

Необходимо обозначить подавляющее большинство эквивалентных транслатов, сформированное на основе перевода текстов Библии, и пласт культуронимов, появившихся в результате разделения христианской церкви на православие и католицизм. При наличии одних и тех же базовых текстов, формирующих эквивалентное поле в русском и немецком языках, с течением времени появляется атрибутика и конкретика живописных изображений в каждой из конфессий. Особенно сильно это проявляется в православии, языковые особенности которого (флективность, привлечение местных говоров и традиции) приводят к большим трудностям в процессе перевода.

Основную задачу в формировании однозначности выполняет привлечение третьего языка (греческого или латинского). Наличие данных языков объясняется тем, что православие было воспринято через Византию, а католицизм – через Рим.

Данный способ обеспечивает однозначность, но воспринимается реципиентом с определёнными усилиями. Греческие слова – это ксенонимы для немецкого общества.

Спас Нерукотворный – *Mandylion* (греч.).

Православная церковь различает более трехсот видов изображений Божьей Матери.

Божья мать Знамение – *Gottesmutter Oranta*;

Божья Мать Путеводительница – *Gottesmutter Hodegetria* (греч.).

Латинские осваиваются лучше, так как немецкий социум ещё в небольшом объёме соприкасается с латинским языком.

Икона в житии – *Die Ikone in Vita* (лат.).

Все примеры в статье приводятся из уже опубликованных источников.

Транслитерация является вторым способом перевода культуронимов и икононимов, которые, в частности, обеспечивают возможность избежать вариативности и достичь необходимой однозначности восприятия, что является наряду с привлечением языка-посредника широко востребованным способом в передаче ономастических единиц на другой язык.

Недостатком данного способа является его тяжеловесность, сложное восприятие и проговаривание и, как следствие, медленная адаптация в чужом языке, сниженная частотность употребления. Негативные особенности объясняются тем, что транслаты данного вида являются ксенонимами в языке-реципиенте и усваиваются как иностранное слово.

Спас Елиазаровский – Spas Eleasarowski;

Богородица Псково-Покровская – die Gottesmutter Pskowo-pokrowskaya.

Калькирование. Если рассматривать транслаты не только как задачу в переводологии, но и с точки зрения усвоения немецким социумом православных икононимов, то способ калькирования окажется наиболее желательным в данном безэквивалентном поле. При сложившихся транслатах по способу транслитерации или привлечения языка-посредника калька будет восприниматься адекватно, с хорошей базой воспроизведения. Процесс калькирования, однако, сдерживается подбором адекватных единиц, образующих транслат-кальку.

Всех скорбящих радости – Aller Leidenden Freude;

Царские врата – das Zarentor;

Праздничный ряд иконостаса – Festtagsreihe der Ikonostase.

Некоторые кальки необходимо всё же поддерживать транслитерацией, так как при обратном переводе трудно выйти на исходный оригинал. Причиной этого может быть многозначность слов и их архаичность.

Божья Матерь Троеручица – Gottesmutter die Dreiarmige (Trojerutschiza).

Недостатком калькирования является небольшой объём транслатов, полученных данным способом.

Описательный перевод связан с большей флективностью русского языка по сравнению с немецким, отсутствием понятийной базы в языке-реципиенте.

Пресвятой

Равноапостольный

Всевышний

Неупиваемая чаша

Утоли моя печали

Преподобный

Транслаты подобного рода ещё проходят свой путь адаптации в чужом языковом пространстве.

Данный метод используется редко, при невозможности применять другие методики перевода. Недостатком является свободное толкование и несовпадение окончательного результата.

Название иконы «Неупиваемая чаша» можно перевести, используя предыдущие способы: Neupivajemaja Kelch. Данный транслат сразу вызовет в немецком социуме естественную реакцию: что это за чаша? Объяснение может даваться свободным текстом, произвольно.

Далее представлен список икононимов Псковской школы иконописи на основе уже опубликованных материалов. В большинстве случаев выделяется наиболее удачный, с нашей точки зрения, транслат, рекомендуемый в дальнейшем в качестве однозначной ономастической единицы для переводчиков.

Таблица 1

Православные реалии

Иконостас	Ikonostase Ikonenwand Ikonenbilder
Спас, Спаситель	Spas Erlöser
Богоматерь Умиление	Gottesmutter Umilenije Gottesmutter der Rührung Elias
Богоматерь Путеводительница	Gottesmutter Putevoditelniza Gottesmutter die Wegweisende Gottesmutter Hodegetria
Богоматерь Знамение	Gottesmutter Znamenije Gottesmutter des Zeichens Gottesmutter Oranta
Спас Нерукотворный	Christi nicht von der Menschenhand gemalt Christi nicht von der Menschenhand geschaffen Christi Abdruck Archeiropoietos

Окончание таблицы 1

Покров	Maria-Schutz und Fürbitte Pokrov Maria-Umhüllung Schutzmantelfest Auxilium (lat.)
Успение	Maria-Entschlafen Maria-Tod Maria-Himmelfahrt Koimesis
Николка юродивый	Nikolka Salos Nikolka jurodivyj Der schwachsinnige Nikolka Nikolka der Narr in Christo
Битва Георгия со Змеем	Drachenwunder des Georg
Оклад	Ikoneneinfassung Ikonenverzierung Ikonenumrahmung Oklad
Иисус Вседержитель, Иисус Пантократор	Jesus der Allherrscher Jesus Pantokratus Jesus in der Glorie
Святой Николай в житии	Der heilige Nikolaj in Vita Der heilige Nikolaj, Lebenslaufikone
Сретение	Darstellung im Tempel Darbringung Christi im Tempel Sretenje Maria-Reinigung
Старец	Starez Alte Mönch
Николай Чудотворец	Nikolaj der Wunderheiler Nikolaj der Wunderbringende

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бугаева, И. В. Сакральная ономастика: структурно-семантический аспект: монография / И. В. Бугаева. – Lambert Academic Publishing, 2012. – 189 с.
2. Гильчонок, Н. Л. Практикум по переводу научный и публицистических текстов с немецкого языка на русский / Н.Л. Гильчонок. И. – СПб.: КАРО, 2008. – 352 с.
3. Дудченко, Л. Ю. Православный компонент в англоязычных наименованиях русских икон: автореферат дис. Кандидата филологических наук: 10.02.04 / Дудченко Л.Ю. / (Место защиты: С.-Петерб. гос. ун-т экономики и финансов). – Санкт-Петербург, 2010. – 19 с.: ил. РГБ ОД, 9 11 – 1/1552.

Материал поступил в редакцию 07.12.15.

ADAPTATION OF RUSSIAN ICONONYMS IN FOREIGN LANGUAGE ENVIRONMENT (THE GERMAN LANGUAGE)

V.Ya. Volkova¹, I.I. Hrapchenkova²

¹ Senior Teacher, ² Candidate of Philology, Associate Professor
Pskov State University, Russia

Abstract. *The main part of translated units connected with the translation of bible texts has adequate compliance in the Russian and German languages. The translated units in the article run in non-equivalent field. Translation of non-equivalent units is made in various ways: transliteration, calquing, using of interlingua (Latin or Greek), keeping or attributive translation. However, there is a problem of variability of translated units. In the offered list we allocate the most successful translated unit from our point of view.*

Keywords: *icononym, translated unit, variability, transliteration, calquing, interlingua.*

УДК 81.342.4

ИНТОНАЦИОННАЯ КАТЕГОРИЯ ВЫДЕЛЕННОСТИ КАК МАРКЕР ТЕМА-РЕМАТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ЗВУЧАЩЕГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ИНФОРМАЦИОННОГО И РАЗГОВОРНОГО СТИЛЕЙ)

А.В. Звягинцева, кандидат филологических наук, доцент
Московский педагогический государственный университет, Россия

***Аннотация.** Современные исследования в области фонетики английского языка уделяют особое внимание вопросам функционирования интонации на уровне текста. Текст как выражение коммуникативной установки отправителя состоит из неодинаковых по смыслу и коммуникативной значимости элементов. В статье рассматривается такой аспект организации информационной структуры сообщения как тема-рема-тическая прогрессия, являющаяся показателем смысловых отношений между единицами высказывания. В процессе устной реализации сообщения основным средством, маркирующим смысловую структуру текста, является интонация. Реализацию данной функции интонации можно описать через категорию выделенности. В статье акцентируется важность изучения роли интонации в смысловой организации звучащего текста и выявляются общие закономерности интонационного оформления лексических единиц сообщения, что свидетельствует о правомерности применения универсальной категории выделенности к исследованию тема-рема-тической организации целого текста.*

***Ключевые слова:** текст, интонация, категория выделенности, тема-рема-тическое членение текста.*

Вопросам тема-рема-тического членения текста посвящено немало работ. Известно, что тема-рема-тические отношения играют ведущую роль в смыслопорождении. Умение выделить главное, умение донести сообщение до собеседника, а также умение полностью понять суть услышанного являются важными компонентами для осуществления успешной коммуникации. В связи с чем, изучение тема-рема-тического членения текста до сих пор актуально в лингвистике.

В рамках традиционного подхода к тексту данная коммуникативная единица представляет собой в плане развития смысла упорядоченную последовательность предложений. Установлено, что одним из главных аспектов коммуникативной организации смысла является членение некоторой порции смысла на тему и рему.

Тема и рема как основные члены актуального членения предложения четко противопоставляются друг другу. Тема и рема трактуются исследователями как носители разной информации. Тема предстает носителем минимума информации, образующим основу для развертывания коммуникации, а рема – носителем максимума информации, являющимся информационным центром сообщения. Важно подчеркнуть, что информационная структура текста создается именно сочетанием темы и ремы, поскольку важно не только то, что сообщается, но и в отношении чего делается сообщение. Информативны и тема, и рема. Разница между данными «единицами» состоит только в разной степени их информативной значимости, которая непосредственно определяется тем, что информативно наиболее или наименее важно с позиции говорящего, развивающего мысль в определенном контексте.

Одним из важных средств выражения тема-рема-тического членения текста является интонация. Как известно, маркирование смысла реализуется через интонационную категорию выделенности, под которой понимается способность элементов сообщения обладать разной степенью акцентирования. Текстовая выделенность имеет многоярусный характер, когда степень акцентуации элемента обусловлена степенью его смысловой значимости в процессе передачи смысла, с одной стороны, и его восприятия и достижения интегративного целого – с другой.

С целью выявить особенности тема-рема-тического членения текстов информационного и разговорного стилей был проведен аудиторский анализ, который в последствии был подтвержден электро-акустическим анализом. В ходе аудиторского анализа были определены три степени маркированности лексических единиц сообщения: I – III (от минимальной до максимальной). I степень вы-

деленности относится к тем лексическим единицам текста, которые обладают «ровным» просодическим рисунком [1, с. 54], где не отмечается изменение просодических параметров (замедление темпа, повышение громкости и т.д.). На их фоне можно выявить лексические единицы, маркированные бóльшей степенью выделенности – II или III. Таким образом, комплекс градации степеней выделенности условно можно поделить на две полярные группы: I степень выделенности – II / III степень выделенности.

В ходе исследования было выявлено наличие I степени выделенности у тематических компонентов высказывания, II и III степени выделенности – у лексических единиц, являющимися рематическими элементами сообщения. Также было установлено, что степень выделенности одной и той же лексической единицы при ее повторении в речи варьируется по ходу сообщения. Возможной причиной такой разномаркированности одной и той же лексической единицы является связь интонационного оформления текста с его тема-рематической прогрессией: в тексте один и тот же элемент может выступать как рема, а затем как тема сообщения. Таким образом, общей в интонационном оформлении текстов является следующая закономерность: последующее употребление одного и того же слова, обозначающего некоторый предмет или явление, не обладают бóльшей просодической выделенностью. Данная закономерность интонационного оформления высказывания была выявлена в текстах обоих фонетических стилей:

1... Now, this river usually froze over in winter, and one year it did this very early, so that by Christmas time it was covered with really thick ice ... (II) (рема).....The sight of this ice (I) (тема) gave Mr. Hall an idea. He decided to have a big Christmas party on the ice (I) (тема)...

2. Bills may be introduced either in the House of Commons (III) (рема) or the House of Lords (II) (рема) by any member.....A bill which has been passed by the House of Commons (I) (тема) is almost certain to become a law, and fifty bills become Acts each year. The House of Lords (I) (тема) can revise bills but it cannot stop them from becoming acts.....

Однако помимо указанных тенденций в реализации тема-рематической прогрессии текста в процессе его устной реализации проведенный анализ позволил выявить ряд закономерностей иного характера. Как известно, порядок слов обуславливает основное распределение коммуникативной насыщенности элементов предложения, а именно, начало предложения является часто собственно темой, конец предложения – ремой. Однако, как указывают многие авторы, выделенной бóльшей степенью может быть не только рема (и не всегда рема), но и тема, например, та, которая открывает новый абзац, или содержит новый компонент. В таком случае тема становится «рематизированной». Отсюда, как отмечают многие исследователи, становится неизбежным признание не только за ремой, но и за темой возможности отражать новые элементы информации. Как показал эксперимент, такая закономерность свойственна текстам как разговорного, так и информационного стиля:

- A *artist* (II) (рематизированная тема) | went to a beautiful part of the country | for a holiday, | and stayed with a farmer.....

- *London* (II) (рематизированная тема) | is the capital of Great Britain. It's in the south-east of England | on the River Thames....

При исследовании интонационного оформления всего корпуса текстов также было выявлено, что некоторые лексические единицы не несут большой смысловой нагрузки и обладают избыточностью в передаче основной идеи общения. При нахождении в сильной коммуникативной позиции (в конце синтагмы) такие рематические лексические единицы далеко не всегда могут быть маркированы бóльшей степенью выделенности по сравнению с тематическими лексическими единицами. В приведенном ниже примере подобными лексическими единицами являются *white caps*, *dark blue coats* и *grey trousers*. В тексте информационного стиля такими рематическими единицами, получившими наименьшую степень акцентуации, являются слова *member*, *government*:

1. One day | Mr. Robinon saw a lady in the street | with ten children. He was very surprised | because all the children | were wearing the same clothes | - *white caps*(I) (рема), | *dark blue coats*(I) (рема) | and *grey trousers*(I) (рема)....

2. Bills may be introduced in either the House of Commons | or the House of Lords | by any member(I) (рема). In practice | most bills are proposed by the Government (I) (рема).....

Проведенное исследование показало, что тема-рематическую организацию целого текста

правомерно исследовать с опорой на универсальную категорию выделенности, реализующуюся как на тематических, так и на рематических компонентах высказывания. Как представляется, исследование интонационной категории выделенности как мощного инструмента анализа смысловой структуры текста является перспективным направлением дальнейших научных исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анашкина, И. А. Роль просодии и ключевых слов в создании информационной структуры текста: кол. моногр. / И. А. Анашкина, Л. В. Верещагина, Н. Г. Комисарова. – Саранск: Мордов. гос. ун-т им. Н. П. Огарева, 2005. – 103с.
2. Зиновьева Е. Н. Интонационная категория тона и ее реализация в спонтанной монологической речи / Е. Н. Зиновьева. – Дис.канд. филол. наук. – М., 1995. – 185с.
3. Касевич, В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология / В. Б. Касевич // Труды по языкознанию. – СПб, 2006. – 664с.
4. Лузина Л. Г. Распределение информации в тексте (когнитивный и прагматилистический аспекты). – М., 1996. – 139 с.
5. Матросова, Н. Н. Некоторые аспекты реализации категории экономия – избыточность в английском монологическом тексте (в рамках организующей функции речевой интонации): Автореф. дисс. канд. филол. Наук / Н. Н. Матросова. – М., 2004. – 20с.
6. Митрофанов,а Е. Н. Интонация и синтаксис как уровни структурирования читаемого монологического текста (на материале английского языка) / Е. Н. Митрофанова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Вып. № 1. Т. 1. – СПб., 2012. <http://cyberleninka.ru>. – 100 - 107с.

Материал поступил в редакцию 03.12.15.

INTONATIONAL PROMINENCE CATEGORY AS A MARKER OF THEME AND RHEME STRUCTURE OF SOUND TEXT (ON THE MATERIAL OF INFORMATION AND CONVERSATIONAL STYLE)

A.V. Zvyagintseva, Candidate of Philology, Associate Professor
Moscow Pedagogical State University, Russia

Abstract. *Modern researches in the field of phonetics of English pay special attention to questions of functioning of intonation at the level of the text. The text as expression of communicative unit of the addressee consists of unequal elements within the meaning and the communicative importance. Such aspect of the organization of information structure of the message as theme and rheme progression, which is an indicator of the semantic relations between statement units is considered in the article. In the course of oral implementation of the message the main means marking semantic structure of the text is intonation. Realization of this function of intonation can be described through prominence category. In the article importance of studying of intonation role in the semantic organization of the sound text is accented and the general regularities of intonational registration of lexical units of the message come to light that shows legitimacy of application of universal prominence category to research theme and rheme organization of the whole text.*

Keywords: *text, intonation, prominence category, theme and rheme text division.*

УДК 811. 112.2

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК ЕДИНИЦЫ НОМИНАЦИИ

С.А. Саковец, доцент кафедры иностранных языков
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Россия

Аннотация. *Статья посвящена анализу предложения как единицы номинации. Предложение рассматривается как сложный знак, означаемым которого является определённый объем информации о некотором отрезке экстралингвистической действительности, означающим – синтаксическая форма. Актуальность работы обусловлена ономаσιологическим ракурсом исследования предложений, позволяющем определить лингвистические основы механизма обозначения типов ситуаций.*

Ключевые слова: ономаσιология, номинация, событийная номинация, языковой знак, предложение.

Анализ предложения как единицы номинации связан с рассмотрением предложения как сложного знака, с понятием ситуации, с ролью глагола в процессе номинации ситуации.

В лингвистической литературе в зависимости от обозначаемого объекта различаются два типа номинации: элементная и событийная (ситуативная) номинация. Элементная номинация обозначает определённый элемент действительности: предмет, качество, процесс, отношение, любой реальный или мыслимый объект. Номинантом здесь может быть слово или словосочетание (в этом случае говорят о лексической номинации), значимая морфема, синтаксема, интонаема. Событийная номинация в качестве номината имеет микроситуацию, то есть событие, факт, объединяющий ряд элементов. Она имеет форму предложения [Гак, 1977, с. 258].

Знаковому характеру языка, анализу сочетаемости знаков и закономерностям подобной сочетаемости уделяли внимание представители различных направлений и школ, начиная с философской концепции стоиков. Анализ свойств естественного языка философией, логикой, математикой, психологией, лингвистикой позволил сформулировать общие принципы знаковых концепций. Первая лингвистическая концепция, касающаяся знакового характера языка, связывается обычно с именем Фердинанда де Соссюра, который рассматривал язык как систему знаков, в которой единственно существенным является соединение смысла и акустического образа.

Знаковый подход к языку, установившийся в современном языкознании, сделал возможным построение общей теории языка, основанной на соотношении формы и содержания; позволил вскрыть системный характер языка, по-новому рассмотреть и оценить многие языковые факты [Стернин, 1978, с.7].

Языковой знак определяется как материально-идеальное образование (двусторонняя единица языка), репрезентирующее предмет, свойство, отношение действительности. Он представляет единство определённого мыслительного содержания (означаемого) и цепочки фонематически расчленённых звуков (означающего); только в единстве и взаимосвязи двух сторон языковой знак сознанием «схватывается», а знаком обозначается и выражается определённый «кусочек действительности», вычленённые факты и события [Уфимцева (ЛЭС), 1990, с. 167].

В различных теориях языка понятие знака трактуется нетождественно, и даже исходные определения знака различаются уже потому, что знак анализируется как односторонняя, двусторонняя, трёхсторонняя, четырёхсторонняя, пятисторонняя и ещё более сложная сущность [Лебедев, 1998, с. 37].

В настоящее время выделяют два подхода к определению понятия знак в зависимости от их отношения к трактовке знака как статической или динамической знаковой системы:

– Если знак рассматривается как элемент статической семиотической системы, то его определяют как двуединую сущность, имеющую план выражения (означающее) и план содержания (означаемое).

– Знак может быть рассмотрен также и как элемент динамической системы – процесса передачи информации. В этом случае в языковом знаке обнаруживается три плана: план выражения и

план содержания, соотношение которых может определяться также как и в предыдущем случае, а также план интерпретации сообщения реципиентом [Лебедев, 1998, с. 38].

Вопрос о значении знака является вопросом о том, какое концептуальное или когнитивное образование подведено под знак, какой квант информации выделен знаком из общего потока сведений о мире, какой концепт связан знаком [Лебедев, 1998, с.35].

Семантику знака принято рассматривать на двух уровнях – денотативном (референциальном) и сигнификативном. Денотатом знака называется класс означаемых или фактов, а сигнификатом – общие признаки всех фактов этого класса [Апресян, 1995, с. 60]. В других терминах экстенционал и интенционал.

Знаковый характер предложения изучался и изучается многими исследователями. Стойки впервые открыли, что у высказывания два предмета – во-первых, вещь, объект реального мира («те-ло»; в терминологии логики и лингвистики XX века – «предмет обозначения», «денотат», «экстенционал»); во-вторых, некая специфическая мыслительная сущность («высказываемое»; в терминологии логики и лингвистики XX века – «смысл», «сигнификат», «интенционал»). Стойки являются основоположниками учения о семантическом синтаксисе, так как начали последовательно рассматривать содержание высказывания не как сочетание абстрактных понятий, родовых и видовых сущностей, а как нечто единое, как слияние понятий, чувственных представлений и эмоций человека. Они завершили начатую Аристотелем классификацию частей речи и заложили основы интерпретации языкового знака как неразложимого единства означаемого и означающего, получившей затем дальнейшее развитие у Августина, Ф. де Соссюра, Ч.У. Морриса, Р. Якобсона и многих других [Лебедев, 1998, с. 10-11].

Предложение признается двухсторонней лингвистической единицей, обращенной одновременно к плану содержания и к плану выражения. Изучается денотативный и сигнификативный аспект предложения. Предложение определяется как сложный знак, предикативный или пропозитивный, представляющий законченный акт семиозиса в языковой системе, который имеет в качестве объекта обозначения целостное событие [Гак, 1977, с. 257].

Означаемым предложения является определённый объём информации о некотором отрезке действительности. «Ядром в означаемом любого высказывания является содержание речевого сообщения, субъективное отношение к высказываемому – модальности, наконец, обязательная соотносённость с коммуникантами и временем речевого акта, чем не обладают словесные знаки» [Уфимцева, 1977, с.36]. Означающим предложения выступает его синтаксическая форма, структурная схема, которая понимается как «отвлечённый образец, по которому может быть построено минимальное, самостоятельное и независимое сообщение» [Грамматика современного русского литературного языка, 1970, с. 546]. В структурной схеме предложения лингвистами выделяется два грамматических значения. Это значение предикативности, характерное для всех структурных схем предложения. Оно противопоставляет предложение слову и словосочетанию. Второе значение определяется как информативное содержание, извлекаемое из анализа формальных показателей компонентов структурной схемы. Компоненты синтаксической структуры служат для обозначения компонентов ситуации.

Означаемое и означающее предложения изначально исследовались в рамках теории трансформационных порождающих грамматик и трактовались как поверхностная и глубинная структура предложения. Поверхностная структура, согласно теории трансформационных порождающих грамматик, давала описание синтаксического устройства каждого отдельного предложения. В соответствии с положениями трансформационной теории порождающего направления поверхностная структура предложения, находящая выражение в его цепочечном членении на непосредственно составляющие, задает предложению фонологическую репрезентацию, а глубинная структура предложения, раскрываемая его трансформационной историей, задает предложению реализацию семантики.

В ходе развития теории и практики порождающих грамматик понятие глубинной структуры постепенно семантизировалось и превратилось в понятие семантической репрезентации предложения, провозвестником которой считается Л. Теньер, интерпретировавший предложение как маленькую драму с действующими лицами и обстоятельствами [Теньер, 1988, с.117]. Семантическая структура предложения, понимаемая как «его информативное содержание, представленное в абстрагированном виде как закреплённое в языковой системе соотношение типизированных элементов смысла» [Шведова, 1973, с.461], является предметом многочисленных исследований.

В современной науке в настоящее время различают два подхода к изучению семантической структуры предложения. Первый основывается преимущественно на лексическом значении компо-

нентов номинативного минимума предложения и практически не учитывает той грамматической проекции, которую даёт информативному содержанию предложения его грамматическая форма. Семантические структуры при этом выделяются не в границах структурных схем, а безотносительно к ним; структурные схемы и семантические структуры выстраиваются в параллельные, непересекающиеся ряды.

Второе направление исходит из грамматического значения необходимых компонентов предложения, пытается определить общую грамматическую семантику каждой структурной схемы и выделяет семантические структуры в границах общих грамматических значений структурных схем [Белошапкина, 1977, с.123-124].

Анализ семантической структуры предложения предполагает анализ его синтаксической структуры, так как предложение – это прежде всего формально организованная единица, значение которой зависит в большей степени от наполняющего эту форму лексико-семантического материала. В семантической структуре предложения, как правило, выделяются: семантический субъект, семантический предикат, семантический объект, семантический конкретизатор. Центральным компонентом традиционно считают семантический предикат. Семантический Субъект – это обычно агент (производитель действия), пациент (субъект, испытывающий воздействие агента), реципиент, посessor (или субъект обладания). К компонентам семантической структуры предложения относят семантический конкретизатор, выполняющий подчинённую функцию относительно Субъекта или предиката и обозначающий сопутствующие предикативному признаку характеристики, например, пространственный, временной конкретизаторы.

Понятие о предложении как единице, выполняющей номинативную функцию – дающей название событию, ситуации явилось следующим этапом в изучении предложения, в анализе его семантической структуры.

Ономасиологический подход отражает иной подход к слову как единице номинации и позволяет решить вопрос: «какими словами (знаками) или сочетаниями выражается то или иное содержание и оценка» [Новиков, 1982, с. 83].

Ономасиологический способ рассмотрения языковых явлений предполагает, что говорящий исходит в своей деятельности из некоторого внеязыкового содержания и переводит это содержание в языковую форму; при этом та или иная языковая форма выбирается говорящим из находящейся в его распоряжении языковой системы и преобразуется им из системно-языкового состояния в речевое [Даниленко, 1988, с. 108]. По мнению Теа Шиппан ономасиология занимается инвентарём номинативных единиц языка, принципами номинации, отбора номинативных единиц, классификацией номинативных единиц согласно критериям их номинативной функции, как, например, систематизация по предметным рубрикам, тематическим рядам, ономасиологическим группам [Schippa, 1992, S. 31-32].

Синтаксический уровень предложения обеспечивает номинацию ситуаций внеязыковой действительности и отношений между ними. Синтаксический компонент ответственен за разворачивание схемы предложения и определения количества мест в этой схеме, то есть количество синтаксических позиций. Номинативный же компонент можно рассматривать как ведающий единицами номинации, заполняющими выбранную синтаксическую схему или же начинающими её разворачивание и выступающими в качестве толчка к выбору одной из возможных синтаксических схем данного языка [Кубрякова, 1986, с. 98].

Ономасиологический подход к изучению языковых явлений использовался как в работах лингвистов прошлых лет, позволивших выявить наличие в словарном составе языка различных типов словесных группировок (полей, тематических рядов, микросистем, лексико-семантических групп), так и в многочисленных современных исследованиях, посвящённых исследованию номинативной деятельности [Кубрякова Е.С., Гак В.Г., Уфимцева А.А., Арутюнова Н.Д., Колшанский Г.В., Кривченко Е.Л.].

В концепции Кривченко Е.Л., ономасиологический подход к исследованию предложения предполагает изучение этапов кодирования информации о «положении дел», результатом чего является преобразование ее в сложный динамический объект обозначения – событие, а также анализ способов и средств выражения категориальной принадлежности обозначаемого, иными словами, анализ средств выражения категории событийности, средств выражения включенности обозначаемого в один из ономасиологических классов ситуаций и далее в один из ономасиологических разрядов ситуаций [Кривченко Е.Л., 1982, с. 33].

В работах последних лет обращается внимание на проблемы, связанные с исследованием номинативных свойств глаголов обладания немецкого языка, а вместе с тем и ономаσιологический аспект анализа предложений, обозначающих ситуацию обладания [Калинина, 2002, с. 5]. Анализируется языковая техника, используемая немецким языком на этапе вербализации структур, лежащих в основе ситуаций, именуемых предложениями немецкого языка с глаголами движения *gehen, laufen, fliegen, schwimmen* в ядерной позиции [Астанкова, 2004, с. 4]. Внимание исследователей направлено на терминологический аппарат ономаσιологии [Ягафарова, 2010, с. 172].

Ономаσιологический ракурс исследования предложений со статальными и каузативными глаголами немецкого языка, в частности, позволил автору определить лингвистические основы механизма обозначения типа ситуаций неактивного нахождения в пространстве и ситуаций активного действия, направленного на изменение расположения предметов [Саковец, 2003]. Номинативные особенности предложения как сложного знака связаны со спецификой его семантической структуры, семантикой и номинативными функциями глагола, стоящего в ядерной позиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Т.1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка: 2-е изд., испр. и доп. / Ю. Д. Апресян. – М.: Школа «Языки русской культуры», Изд – кая фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – VIIIс., 472с.
2. Астанкова, В. П. Ситуации, именуемые предложениями немецкого языка с глаголами движения *gehen, laufen, fliegen, schwimmen* в ядерной позиции. – Автореферат на соискание учёной степени кандидата филологических наук / В. П. Астанкова. – Саратов 2004. – 20с.
3. Белошапкова, В. А. Современный русский язык. Синтаксис / В. А. Белошапкова. – М., «Высшая школа», 1977. – 248с.
4. Гак, В. Г. К типологии лингвистической номинации / В. Г. Гак // Языковая номинация. Общие вопросы. – М.: Изд.- во «Наука», 1977. – С. 230-294.
5. Грамматика современного русского литературного языка. – М.: Изд.- во «Наука», 1970. – 767с.
6. Даниленко, В. П. Ономаσιологическое направление в истории грамматики / В. П. Даниленко // Вопросы языкознания. – М.; Изд – во «Наука», 1988, №3. – С. 108-131.
7. Калинина, М. Г. Специфика именования ситуаций, обозначаемых предложениями с глаголами обладания (на материале немецкого языка). – Автореферат на соискание учёной степени кандидата филологических наук / М. Г. Калинина. – Саратов 2002. – 24с.
8. Кривченко, Е. Л. Номинативный аспект предложения / Е. Л. Кривченко. – Саратов: Изд.-во Сар. ун-та, 1982г. – 146с.
9. Кубрякова, Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности / Е. С. Кубрякова. – Москва: «Наука», 1986. – 156с.
10. Лебедев, М. В. Стабильность языкового значения / М. В. Лебедев. – М.: «Эдиториал» УРСС, 1998. – 168с.
11. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685с.
12. Новиков, Л. А. Семантика русского языка / Л. А. Новиков. – М., 1982.
13. Саковец, С. А. Номинативные свойства статальных и каузативных глаголов немецкого языка. – Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / С. А. Саковец. – Саратов, 2003. – 185 с.
14. Стернин, И. Я. О семиотическом подходе к языку / И. Я. Стернин // Методы и приемы научного анализа в филологических исследованиях. – Воронеж: Изд.-во Воронежского ун – та, 1978. – С.7-13.
15. Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер. – М.: Прогресс, 1988. – 656 с.
16. Уфимцева, А. А. Лингвистическая сущность и аспекты номинации // Языковая номинация. Общие вопросы / А. А. Уфимцева. – М.: Изд.- во «Наука», 1977. – с. 7-99.
17. Шведова, Н. Д. О соотношении грамматической и семантической структуры предложения / Н. Д. Шведова // Славянское языкознание. VII Межд. съезд славистов. – М.: Изд.во «Наука», 1973. – С.458-483.
18. Ягафарова, Г. Н. Основные ономаσιологические понятия / Г. Н. Ягафарова // Вестник Челябинского государственного университета. Филология, Искусствоведение. Вып. 43. 2010. № 13. – с. 172-177.
19. Schippan Thea. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. – Tübingen, 1992.

Материал поступил в редакцию 07.12.15.

FEATURES OF SENTENCE AS NAMING UNIT

S.A. Sakovets, Associate Professor of Foreign Languages Department
Saratov State Academy of Law, Russia

***Abstract.** The article is devoted to the analysis of sentence as nomination units. The sentence is considered as a difficult sign, designatum of which is a certain volume of information about some piece of extralinguistic reality, significant is a syntactic form. Relevance of the work is caused by onomasiologic aspect of sentences research, allowing to define linguistic bases of designation mechanism of situations' types.*

***Keywords:** onomasiology, nomination, event nomination, language sign, sentence.*

УДК 82-4

ОЦЕНОЧНОСТЬ ТЕКСТА ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОГО ЭССЕ

П.И. Якушкина, аспирант

Московский государственный областной университет, Россия

Аннотация. В статье анализируются и сопоставляются особенности оценочности текстов литературно-критических эссе трех видов. Материалом исследования служат работы современных англоязычных авторов. В результате сопоставительного анализа автор приходит к выводу, что оценочный компонент часто содержится в названии эссе, интенсивно используемые оценочные единицы рассредоточены по тексту, для литературно-критического эссе типичен набор частотных объектов оценки, в эссе отмечается обилие лексики с абсолютным оценочным значением и средств интенсификации / деинтенсификации оценочного значения.

Ключевые слова: литературно-критическое эссе, положительные/отрицательные оценочные единицы, объект оценки, сравнительная оценка, абсолютные оценочные единицы, интенсификаторы / деинтенсификаторы оценочного значения.

В литературно-критических эссе (далее ЛКЭ) критические суждения неотделимы от оценки, т.к. именно соотнося литературные факты с собственными представлениями, эссеист строит личное мнение о произведении. Хотя в ЛКЭ не идет речь о «скрупулезной оценке достоинств и недостатков» [6, с. 232], квалификации неизбежно фигурируют в тексте.

Анализ дистрибуции оценочных высказываний, а также использования различных видов оценки, средств ее интенсификации и деинтенсификации в текстах [1, с. 17; 2, с. 25; 3, www; 4, с. 47; 5, с. 34] ЛКЭ представляется нам одним из надежных способов выявления специфики данного поджанра.

Описание особенностей функционирования средств оценки в ЛКЭ основывается на результатах анализа текстов трех разновидностей (ЛКЭ о стиле произведения, ЛКЭ о содержании произведения, ЛКЭ о литературной проблеме) этого поджанра.

Принадлежность ЛКЭ к той или иной тематической подгруппе накладывает отпечаток на название: преобладание информативной функции над оценочной типично для названий ЛКЭ о литературной проблеме: в заголовках эссе этого типа чаще отражена тематическая доминанта текста. Например, эссе об особенностях женского романа называется “*Women’s Novels*” (Atwood M.).

Наиболее часто оценочный компонент присутствует в названиях ЛКЭ, посвященных произведениям (42 %): “*The Great Fleet Street Novel*” (Jones T.), “*Arrested Development*” (Hitchens Ch.).

Несколько реже (34 %) оценка встречается в названиях ЛКЭ, посвященных вопросам литературного стиля: “*The Author Who Played with Fire*”, “*The Courtier*” (Hitchens Ch.); “*The incomparable Hazlitt*” (Lezard N.); “*Great review for a great reviewer*” (Freeman J.); “*What Ho! My Hero PG Wodehouse*” (Fry S.).

Изучив особенности оценочных названий в ЛКЭ разных типов, мы приходим к выводу, что специфика объекта, подвергаемого оценке в названии, зависит от тематической направленности эссе.

Количество положительных и отрицательных оценочных единиц в ЛКЭ о литературной проблеме составляет 53 % и 47 % соответственно. Сходным оказалось соотношение положительной и отрицательной оценки в ЛКЭ о произведении (49 % и 51 %) и ЛКЭ о стиле (57 % и 43 % соответственно). Это позволяет сделать следующий вывод: относительный баланс положительной и отрицательной оценок является типологической характеристикой текстов, принадлежащих к поджанру ЛКЭ.

Противоречивая квалификация одного и того же объекта в рамках одного эссе, является одним из факторов, обеспечивающих это равновесие. Рассмотрим несколько примеров:

В этом отрывке обнаруживается двоякое отношение к автору: “the modernist intelligentsia would still have pilloried him for its 80 trite words alone”, “Yet in his heyday, Kilmer was a rising literary star” (Vinciguerra T. “*A Tree Grows, and Grows*”);

Безграмотность воспринимается эссеисткой одновременно и как недостаток, и как большая удача: “I had a horrifying realization: I was illiterate”, “It could never have happened if I had not been

blessedly illiterate” (Schine C. *“I Was a Teenage Illiterate”*);

В среднем на одно ЛКЭ (вне зависимости от тематической разновидности) приходится 65 оценочных единиц. Это примерно в два раза больше, чем в научно-популярном эссе (33 оценочные единицы на текст), что указывает на повышенное значение категории оценочности для такой разновидности жанра эссе, как литературно-критическое эссе.

Проведя анализ объектов оценки в ЛКЭ разных тематических разновидностей, мы пришли к выводу, что аксиологическая сторона текста зависит от его тематической принадлежности.

В среднем в тексте эссе, посвященного литературной проблеме, оценке подвергается около 6 объектов. Тема эссе является определяющим фактором при выявлении основных объектов оценки в тексте. Например, в эссе *“Bones of the Book”* (Moog R.) речь идет об истории развития книг; автор высказывает свое мнение о технологии создания, преимуществах и недостатках различных способов хранения информации, особенностях использования электронных носителей и так далее. Этим объектам уделяется наибольшее внимание, они – главные объекты оценки в тексте. Однако эссеист затрагивает и некоторые литературные произведения, оценивая их авторов.

Эта закономерность наблюдается во всех текстах данной тематической разновидности литературно-критических эссе: тематика текста определяет ведущие объекты оценки. Но кроме тематически обусловленных оценок в тексте присутствуют квалификации авторов и произведений, упомянутых эссеистом, они менее детальные; этим объектам уделяется значительно меньше внимания, они носят второстепенный характер. Оценки второго плана, которые представляют собой авторское мнение о той или иной стороне произведения / произведений, присутствуют во многих эссе. Следовательно, различные аспекты литературных произведений являются частотными объектами оценки в ЛКЭ о литературной проблеме. В их число входят:

– произведение в целом – 67 % текстов. Например, **“I enjoyed reading “Perjury” and am relieved and happy that I retain its gestalt”** (Collins J. *“The Plot Escapes Me”*);

– автор – 33 % текстов: **“then I thank you, Albert Payson Terhune, and I suppose I must thank you once again, too”** (Schine C. *“I Was a Teenage Illiterate”*);

– герои произведения – 25 % текстов: **“the creepily ultra-normal characters did not convince me”** (Atwood M. *“Margaret Atwood: the road to Utopia”*);

– особенности стиля писателя – 17% текстов: **“I found a hardcover copy in good condition at a restaurant-cum-used-book-store”** (Collins J. *“The Plot Escapes Me”*).

В ЛКЭ, посвященных литературному произведению, в центре внимания эссеиста находится проблематика произведения / произведений. В одном эссе, как правило, может быть выявлено 5 объектов оценки. Большая часть квалификационных суждений касается идейно-содержательной стороны текста; но оцениваются и такие стороны произведения как стиль, оформление, особенности перевода и подобное, именно они составляют группу наиболее часто встречающихся объектов оценки в эссе данного типа (см. Таблица 2).

В сравнении с другими разновидностями поджанра ЛКЭ, наименьшее количество объектов оценки (в среднем 4) встречается в текстах, посвященных стилю. Но главной отличительной чертой эссе этого типа является совпадение наиболее частого объекта оценки с основным объектом оценки текста. Принадлежность эссе к тематической группе «о стиле» предполагает, что в своих размышлениях эссеист фокусируется на стилистических особенностях произведения и / или автора, следовательно, они становятся главным объектом оценочных суждений в эссе. Количественный анализ показал, что наиболее часто – в 84 % проанализированных текстов – оценке подвергается стиль произведения и / или автора. Например: **“Like Green, Updike didn't just describe, or merely paint with words. He had a variety of gifts, tones and registers that, while not hidden in his fiction, became baldly obvious in his nonfiction prose. He could be funny, coy, or prickly. He possessed a surprisingly journalistic knack for turning a lead-in around to hook his reader”** (Freeman J. *“Great review for a great reviewer”*).

Наибольшее количество объектов оценки наблюдается в ЛКЭ о литературной проблеме, для ЛКЭ о стиле характерна универсальность главного объекта оценки в текстах.

Обобщая полученные данные, типологическими характеристиками текстов, принадлежащих к поджанру ЛКЭ, мы можем считать:

– присутствие в тексте в среднем 5 объектов оценки;

– наличие совокупности частотных объектов оценки, в число которых входят: произведение, личность автора, стиль, герои.

Вышеперечисленные объекты, присутствуя во многих эссе, редко выступают в них в качестве

главных объектов оценки. Таким образом, принципиальным дискурсивным признаком ЛКЭ можно считать устойчивую совокупность второстепенных объектов оценки.

Абсолютные оценочные единицы (см. Таблица 1) присутствуют в большей части текстов ЛКЭ различной тематики (ЛКЭ о литературной проблеме – 95 %; ЛКЭ о произведении – 73 %; ЛКЭ о стиле – 88 %) и используются очень активно: на одно эссе приходится 4-5 таких единицы. Приведем несколько примеров: “I said I wasn’t **well** read” (Schine C. “*I Was a Teenage Illiterate*”); “Too much information, for **better** and **worse**, is his style” (Camp J. “*Coming Home Without Moving Forward*”).

Сравнительная оценка применяется менее интенсивно (1-2 случая на текст). Наиболее редко конструкции этого вида встречаются в ЛКЭ о литературной проблеме – 58 % эссе, в сравнении с ЛКЭ о произведении – 77 %; ЛКЭ о стиле – 81 %. Рассмотрим несколько случаев использования оценки сравнительного типа: “Anything violent, anything disturbing, anything **like** that” (Atwood M. “*Woman’s Novels*”); “Smith’s portrayal of their friendship is vivid and smells **like** life” (Genc K. “*The Embassy of Gossip: Zadie Smith’s First-Person Plural*”).

ЛКЭ всех трех тематических видов насыщены средствами интенсификации / деинтенсификации оценочного значения (примерно 6 случаев употребления на текст), которые фигурируют в 100 % ЛКЭ о литературной проблеме, 88 % ЛКЭ о произведении, 94 % ЛКЭ о стиле – 81 %. Например: “But they are **too** easily drowned out by stronger stimuli” (Moor R. “*Bones of the Book*”); “the fantasized Princess Qara Kőz, who even comes accompanied by an only **slightly** less bewitching body double” (Hitchens Ch. “*Cassocks and Codpieces*”).

Таблица 1

Оценочные единицы в ЛКЭ

	ЛКЭ о лит. пробл.	ЛКЭ о произведении	ЛКЭ о стиле
Оценочные названия	8%	42%	34%
Абсолютные оценочные единицы	95%	73%	88%
Сравнительная оценка	58%	77%	81%
Интенсификаторы/ деинтенсификаторы	100%	88%	94%

Таблица 2

Частотные объекты оценки в ЛКЭ

Частотные объекты оценки	ЛКЭ о лит. пробл.	ЛКЭ о произведении	ЛКЭ о стиле
Произведение	67%	65%	75%
Личность автора	33%	38%	63%
Герои	25%	38%	34%
Стиль	17%	58%	84%
Оформление	17%	-	-

Проведенный анализ текстов ЛКЭ трех тематических разновидностей позволил сделать вывод о частом присутствии оценочного компонента в названии эссе.

Оценочные единицы используются эссеистами очень активно, равномерно распределяются по тексту. Для ЛКЭ характерен баланс положительных и отрицательных оценок.

Количество объектов, подвергаемых оценке, невелико. Особенностью текстов этого поджанра является наличие устойчивой совокупности частотных объектов оценки (см. Таблица 2).

Эссеистами активно используются средства интенсификации / деинтенсификации оценочного значения и лексика с абсолютным оценочным значением (см. Таблица 1); сравнительная оценка встречается в ЛКЭ редко, о чем свидетельствуют данные о среднем количестве сравнительных конструкций (1-2 случая употребления на текст).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2009 – 280с.
2. Ивин, А. А. Основание логики оценок / А. А. Ивин. – М.: Изд-во МГУ, 1970 – 230с.
3. Кобозева, И. М. Лингво-прагматический аспект анализа языка СМИ / И. М. Кобозева. – www.textfighter.org/text12/08.php
4. Марьянич, В. А. Аксиологическая структура медиа-политического текста: Дис. докт. фил. Наук / В. А. Марьянич. – Архангельск: 2013 – 382с.

5. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – М: Наука, 1986 – 143 с.
6. Тертычный, А. А. Жанры периодической печати / А. А. Тертычный. – М.: Аспект Пресс, 2014 – 348 с.

Материал поступил в редакцию 22.12.15.

TEXT EVALUATIVITY OF THE LITERARY CRITICAL ESSAY

P.I. Yakushkina, Postgraduate Student
Moscow Region State University, Russia

Abstract. *The features of evaluativity of texts of literary critical essays of three types are analyzed and compared in the article. Research materials are the works of modern English-speaking writers. As a result of the comparative analysis the author comes to a conclusion that the evaluative component is often contained in the name of the essay, intensively used evaluative units are dispersed in the text, the set of frequency objects of an assessment is typical for the literary critical essay, in the essay the abundance of lexicon with absolute evaluative meaning and means of intensification / deintensification of evaluative meaning are noted.*

Keywords: *literary critical essay, positive/negative evaluative units, object of assessment, comparative assessment, absolute evaluative units, intensifiers / deintensifiers evaluative meaning.*

УДК 81'22; 81'255

О «МАТЕМАТИЧЕСКОМ» МЕТОДЕ В ПЕРЕВОДЕ

К.Е. Калинин, кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории и практики английского языка и перевода
Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Россия

***Аннотация.** Статья написана в рамках исследования процессов понимания и интерпретации текста, взятого в качестве объекта переводческой деятельности. На материале ошибок в учебных переводах индуктивно реконструируется алгоритм переводческих операций, затрагивающих лишь поверхностный уровень текста и не способных обеспечить восприятие смысла оригинала со стороны адресата перевода. В отличие от большинства семиотических работ, в которых проблемы перевода освещаются кратко, и от переводоведческих трудов, построенных на сопоставлении перевода с оригиналом, в данной статье предлагается исследовать проблемы качества и дидактики перевода с позиций общей семиотики.*

***Ключевые слова:** перевод; ошибки; смысл; понимание; текст; трансформации.*

Преподаватели перевода, регулярно проверяющие студенческие переводы, получают в свое распоряжение уникальный текстовый материал, на основе которого есть возможность проанализировать типовые ошибки. Материал ценен с дидактической точки зрения именно тем, что представленные к проверке переводы носят учебный характер, то есть позволяют лишь в некотором приближении смоделировать условия реального заказа.

В отсутствие профессионального редактирования можно наблюдать «чистые ошибки», за которыми нередко просматриваются методологические установки студентов – будущих переводчиков. Во многом эти установки остаются довольно наивными, несмотря на то, что к тому времени, как обучающиеся переходят к работе с целыми, законченными текстами, они должны освоить курс теории перевода. Оценивая качество перевода, преподаватель одновременно проверяет, насколько студенты усвоили положения курса теории перевода, насколько они умеют применять теорию к решению конкретных переводческих задач, корректно используют алгоритм поиска приемлемых в данном случае переводческих решений. Одна из задач преподавателя в этой ситуации состоит в том, чтобы скорректировать их методологические установки, ведь за ошибкой может стоять серьезное методологическое заблуждение. Поэтому простое исправление ошибок, стремление подвести студентов к варианту перевода, к которому пришел сам преподаватель – заведомо непродуктивный путь. Необходимо показать студентам, почему была сделана ошибка, выяснить, какой путь привел к ее появлению, и объяснить ошибочность не столько первоначально принятого студентом переводческого решения, сколько пути, приведшего к нему. Иначе есть риск повторения студентом ошибочного пути. А если оставить ошибку вовсе без комментария, ошибочный путь может закрепиться и стать регулярной, с трудом подлежащей корректировке и тем более пересмотру практикой, в принципиальной правильности которой переводчик будет интуитивно уверен.

Преподаватель должен предложить модель, опирающуюся на достижение теории перевода и в то же время операционную, т.е. служащую основой для выработки уместных переводческих решений.

Ошибки в переводе (см. [2]; [3]; [6]; [8]; [9]) в целом можно разделить на те, что ведут к смысловым искажениям, и такие, которые представляют собой нарушения нормы и узуса переводящего языка. Однако порой встречаются такие фрагменты, которые трудно классифицировать как искажения смысла – по той причине, что смысла в них, кажется, нет совсем. Рассмотрим такой пример:

«Безусловно, привычки сложно менять, поэтому, без сомнений, когда-нибудь получится так, что смелый обед готовы будут выдержать упрекающий взгляд со стороны коллекционеров и сломить этот обычай».

Если попробовать пересказать данный фрагмент, возникнут непреодолимые трудности. Отсутствие контекста здесь не принципиально. Можно взять другое предложение из перевода того же текста и убедиться в том, что оно с трудом, но вполне поддается пересказу:

«Полученные экспериментальные данные также указывают на то, что сильноокислотное белое вино хорошо сочетается с определёнными видами рыбных морепродуктов, потому что кислоты взаимодействуют с другими соединениями как комплексообразующие вещества, снижая содержание железа в целом соединении, независимо от его происхождения».

Возможность пересказа или переформулирования той же мысли – прямое и наиболее убедительное доказательство наличия, собственно говоря, самой мысли.

Очевидно, что пересказать приведенный в первом примере отрывок невозможно, из чего может следовать, что в нем вообще отсутствует то, что подлежит пересказу, а именно информационный или смысловой инвариант, который обычно сохраняется при пересказе разными людьми одного и того же сюжета. Между тем, это фрагмент перевода, созданного одним из участников конкурса письменного перевода, проводившегося на базе НГЛУ. То есть, человек включил такое предложение в текст перевода, явно считая свою задачу как переводчика выполненной. Поскольку конкурсант представил текст, содержащий данный фрагмент, на суд жюри в качестве выполненного задания, он, надо думать, полагал, что такой формулировки вполне достаточно получателю, чтобы декодировать то смысловое содержание, которое должно из нее извлекаться. Впрочем, любой носитель русского языка лишь разведет руками и констатирует, что не может понять, *о чем* тут написано. Но вина за это лежит не на нем, а на переводчике, который просто не понял соответствующего места в оригинале. Это, тем не менее, не помешало ему создать с использованием средств русского языка некий текст, который он в итоге представил как перевод.

Ситуации, когда студент не понял, *что* он перевел, но все же *перевел*, возникают довольно часто. Чем мог руководствоваться студент, осознавая свое непонимание оригинала, но при этом все равно создавая что-то, что он представит преподавателю в качестве перевода? Вероятно, он рассчитывал на то, что читатель просто не обратит внимания на непонятное место в тексте, ведь получатель перевода, как правило, не может сравнить его с оригиналом. Правда, рассчитывать на то, что ошибки не заметит преподаватель, по умолчанию владеющий исходным и переводящим языком и, очевидно, все же понимающий смысл оригинала, – явно не лучшая тактика. Другая соломинка, за которую, вероятно, мог бы ухватиться студент, – расчёт на то, что читателю каким-то образом удастся по переводу понять то, чего не понял переводчик. Такое действительно иногда бывает – причем, часто в ситуациях устного перевода. Когда идет общение между узкими специалистами из разных стран через переводчика, последний может не всегда досконально понимать техническую суть вопросов. Но если он в состоянии хотя бы обеспечить формальное подобие перевода оригинальному высказыванию (например, за счет корректного использования профессиональных терминов) специалисты нередко могут с полуслова понять друг друга. Все это так, но в обсуждаемом примере имел место письменный перевод. Добавим, что текст задания относился к публицистическим, то есть и оригинал, и перевод предназначались вниманию широкой аудитории.

Итак, переводчик не выполнил своей основной задачи – понять смысл оригинала и предоставить получателю возможность понимания того же смысла посредством перевода.

Не поняв оригинал, он, тем не менее, произвел некоторые операции (в частности, те, что относятся к переводческим трансформациям), результатом которых стало появление условного текста, который предлагается рассматривать в качестве функциональной замены оригинала.

Любопытно, что подобный подход характерен для математических операций. Как пишет Б.В. Марков [5. с. 208], «математические и формальные положения... не требуют понимания», то есть представления о том, *что* конкретно стоит за произвольно взятыми переменными. Н.И. Жинкин также считал, что язык математики не нуждается в понимании, «т.е. в переводе на натуральный язык» (цит. по [4. с. 65]). Неважно, какая нематематическая реальность описывается уравнением. Значение переменных впоследствии может быть принято любым, в зависимости от условий конкретной задачи.

Точные науки учат правилам преобразования знаков, оперирования знаками в отрыве от множества их потенциальных означаемых. Чтобы из выражения $(a + b)^2$ получить $a^2 + 2ab + b^2$, совсем не нужно представлять себе какой бы то ни было фрагмент действительности, рисовать в воображении некую «картинку». Результат преобразования, представленный в уравнении, – это чистая синтактика, лишенная всякой семантики и уж тем более прагматики. В этом состоит универсальность математического языка. Но, в отличие от него, естественный человеческий язык функционирует по иным правилам. Здесь любое выражение создается всегда в некотором контексте. Поэтому его понимание невозможно без помещения этого выражения в контекст.

Преобразования математических выражений подобны поиску синонимичных замен. Их также можно уподобить переводческим трансформациям. Как и трансформации, математические преобразования затрагивают поверхностный уровень [1]. Математическое выражение – это поверхностная структура, которая потенциально может быть наполнена любым содержанием. Манипуляции с ней не требуют обращения к реальности, которая может быть описана отношением между переменными.

Не так с вербальным выражением смысла. Такое выражение непременно требует понимания, что предполагает осознание глубинного уровня, иначе значения, точнее, конкретного значения, описывающего конкретный фрагмент реальности. Понимание, таким образом, имеет строго внутритекстовый характер.

Таким образом, если не осознана ситуация, нельзя вести речь о том, что имело место понимание текста. Для понимания принципиально важна контекстная привязка к тому, *что* стоит за знаком (или комбинацией знаков, которую можно трактовать как единый макрознак). Конкретные же трансформации – правила преобразования, перехода от одного выражения к другому – посредством которых была выведена данная комбинация знаков, напротив, вторичны и могут интересовать исследователя лишь *post factum*, когда смысловое подобие левой и правой части уравнения уже достигнуто.

Отношение к переводу как к непосредственному переходу от знаков одного языка к знакам другого языка напоминает отношение средневековых переводчиков к священному тексту, который не надо было и даже не следовало понимать, но перед которым надлежало преклоняться, так как человеку не дано постичь великий замысел.

Те, кто, переводя, не контролируют пресловутую *картинку*, поступают с вербальными знаками «математически». Так же, в принципе, поступают известные онлайн-переводчики, которые формально совершают некие преобразования, пользуясь известными приемами и наборами внесенных в память соответствий. Но для решения переводческой задачи такой метод не подходит, поскольку «правильный ответ» в этом случае может быть получен либо случайно (когда буквальный перевод оказывается и максимально уместным), либо локально, то есть лишь для небольшого отрезка текста, но не в отношении всего текста.

Мы не случайно берем в кавычки словосочетание «правильный ответ». В точных науках задача, как правило, имеет один верный ответ при множестве возможных решений, причем критерием правильности различных решений будет получение с их помощью одного и того же ответа. В переводе ситуация принципиально иная: здесь возможен целый «веер» ответов (вариантов перевода), которые могут быть признаны верными (адекватными, уместными), но алгоритм получения ответов всегда должен включать этап осознания смысла путем помещения исходного знака во внезнаковый контекст.

Для переводчика сигналом о нахождении искомого ответа служит совпадение тех фрагментов действительности, которые репрезентированы соответствующими текстами или фрагментами текстов оригинала и перевода. Здесь также имеют значение и такие трудно формализуемые критерии, как естественность восприятия ПТ адресатами-носителями ПЯ, учет их фоновых знаний, цели создания перевода. Переводчик должен приложить усилия к тому, чтобы не только понять смысл исходного текста (а не притвориться, что понял!), но также обеспечить возможность понимания этого смысла получателем перевода, иначе говоря, сохранить коммуникативный потенциал оригинала. До тех пор пока смысловая «картинка» не сформирована, любые манипуляции с текстом не более чем словесная эквилибристика, несколько не приближающая нас к удовлетворительному решению задачи.

Трансформационный (еще называемый текстоцентрическим [7]) подход к переводу, представляющий его как преобразование Текста 1 в Текст 2 путем перехода от знаков исходного языка к знакам переводящего языка, неверен в силу изначальной некорректности своих основополагающих методологических установок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зубанова, И.В. Ке фер? Фер-то ке? О механизмах смысловых и структурных преобразований в процессе устного перевода / И.В. Зубанова // Мосты. Журнал переводчиков. №2(46)/2015. – С.45-57.
2. Княжева, Е.А. Болезна роста: теория и практика анализа переводческих ошибок / Е.А. Княжева // Проблемы теории, практики и методики перевода: сборник научных трудов. Серия «Язык. Культура. Коммуникация». Вып.14. Том 1. – Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А.Добролюбова, 2011. – С.35-43.
3. Куниловская, М.А. Классификация переводческих ошибок и их разметка в *brat* / М.А. Куниловская // Проблемы теории, практики и методики перевода: сборник научных трудов. Серия «Язык. Культура. Коммуникация». Вып.16. Том 1. – Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А.Добролюбова, 2013. – С.59-71.
4. Мечковская, Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: Курс лекций / Н.Б. Мечковская. – М.: Изд. центр «Академия», 2008. – 432 с.
5. Научные универсалии. Общие понятия: Сборник статей. – С.-Петербург: С.-Петербургское фило-софское общество, 2010. – 344 с.
6. Сдобников, В.В. Критерии оценки качества перевода и типология переводческих ошибок / В.В. Сдобников // Проблемы лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации: Сборник научных трудов. Серия «Язык. Культура. Коммуникация». Вып. 8. – Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А.Добролюбова, 2007. – С.183-198.
7. Сдобников, В.В. Перевод и коммуникативная ситуация: монография / В.В. Сдобников. – М.: ФЛИНТА; Наука, 2015. – 464 с.
8. Успенский, Ю.Л. О профилактике типичных ошибок в письменном переводе и критерии оценки его качества / Ю.Л. Успенский // Проблемы обучения переводу в языковом вузе: Тезисы докладов Первой Международной научно-практической конференции. 16-17 апреля 2002 г. – М.: МГЛУ, 2002. – С.42-45.
9. Шевнин, А.Б. Эрратология: Монография / А.Б. Шевнин. – Екатеринбург: Уральский гуманитарный университет, 2003. – 216 с.

Материал поступил в редакцию 29.12.15.

ON THINKING MATHEMATICS IN TRANSLATION

K.E. Kalinin, PhD in Philology,

Associate Professor at School of Translation and Interpreting
Dobrolyubov State Linguistic University (Nizhny Novgorod), Russia

Abstract. *This article is part of a research into understanding and interpretation of a source text to be translated. The author analyzes some mistakes made by translation students and thinks of a path the students might have followed to get there. He argues that any translation-relevant transformations performed disregarding the extra-linguistic context behind the source text merely modify its surface level instead of making it possible for the addressee to understand the ideas of the text. The article is neither purely semantic, nor is it purely translational. Rather, it proposes that the framework of General Semiotics be applied to treating of translation quality and translator training.*

Keywords: *translation; mistakes; sense; understanding; text; transformations.*

ФИЛОЛОГИЯ

Международный научный журнал

№ 1 (1), январь / 2016

Адрес редакции:
Россия, г. Волгоград, ул. Ангарская, 17 «Г»
E-mail: scippjournal@mail.ru
<http://scippjournal.ru/>

Учредитель и издатель: Издательство «Научное обозрение»

ISSN 2414-4452

Редакционная коллегия:
Главный редактор: Мусиенко Сергей Александрович
Ответственный редактор: Маноцкова Надежда Васильевна

Дмитриева Елизавета Игоревна, кандидат филологических наук
Анимова Ольга Константиновна, кандидат филологических наук
Атаманова Наталья Викторовна, кандидат филологических наук

Подписано в печать 13.01.2016 г. Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Заказ № 85.